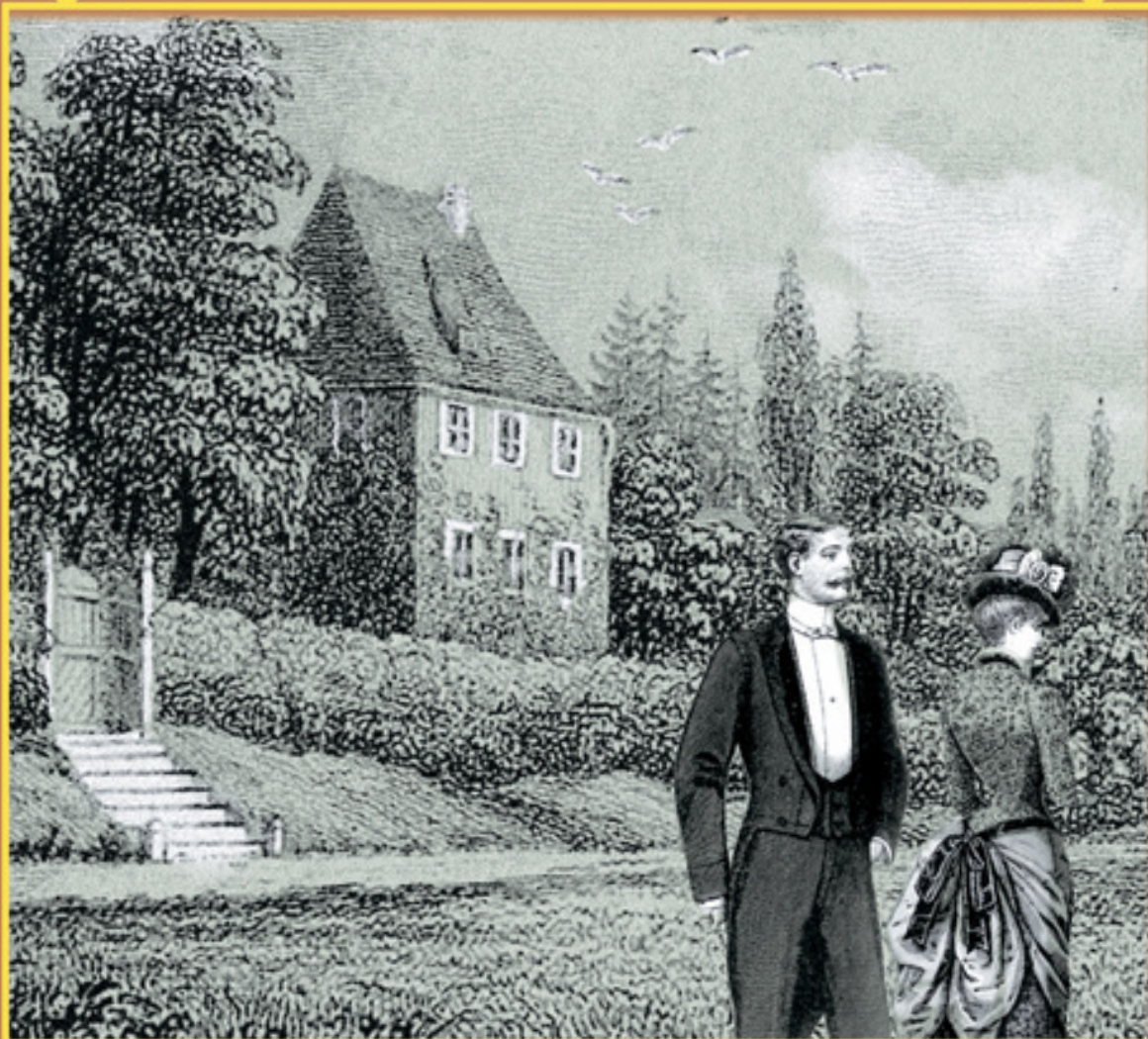

АЖЕРОМ К.
АЖЕРОМ

Друзья и возлюбленные

★ ЗАРУБЕЖНАЯ КЛАССИКА ★

Джером Джером

Друзья и возлюбленные (сборник)

«АСТ»

Джером Д. К.

Друзья и возлюбленные (сборник) / Д. К. Джером — «АСТ»,

ISBN 978-5-17-081931-7

Джером К. Джером, которого мы еще не знали! Забудьте о «Троих в лодке», забудьте об уморительных «Леди и джентльменах». Самый прославленный писатель-юморист Великобритании выступает в этой книге как автор трогательных, а подчас и печальных, лиричных историй о любви и семейной жизни и даже... самого настоящего увлекательного детектива! Некоторые из этих произведений издавались и раньше, но большинство публикуется на русском языке впервые! Джером К. Джером – писатель, которого будут с наслаждением читать всегда. И не в последнюю очередь это относится именно к его прелестным рассказам!..

ISBN 978-5-17-081931-7

© Джером Д. К.
© АСТ

Содержание

Мальвина Бретонская	6
Мальвина Бретонская	6
Предисловие	6
I. История	7
II. Чем все обернулось	9
III. Как влип кузен Кристофер	11
IV. Как скрывали тайну от миссис Арлингтон	17
V. Как обо всем узнала миссис Мэриголд	22
VI. И как все скоростижно завершилось	27
Пролог	30
Улица вдоль глухой стены	35
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Джером К. Джером

Друзья и возлюбленные (сборник)

Jerome K. Jerome

Malvina of Brittany

The Passing of the Third Floor Back

John Ingerfield and Other Stories. Stage Land

Перевод с английского У. Сапциной (сборник «Мальвина Бретонская»);

Е. Филипповой (сборник «Жилец с четвертого этажа»);

В. Вебера (сборник «Джон Ингерфилд и другие рассказы»)

© Перевод. У. Сапцина, 2013

© Перевод. Е. Филиппова, 2011

© Перевод. В. Вебер, 2011

© Издание на русском языке AST Publishers, 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Мальвина Бретонская

Мальвина Бретонская

Предисловие

По словам доктора, смотреть на жизнь после этой истории он стал совершенно иначе, хоть и отнесся к ней скептически.

– Разумеется, все, что на самом деле происходило буквально у меня под носом, не вызывает сомнений. Вдобавок этот случай с миссис Мэриголд. Да, он был и остается прискорбным, особенно для Мэриголда, но сам по себе ничего не доказывает. Эти женские ужимки и смешки чаще всего облетают вместе с первой молодостью, как шелуха, а что откроется под ней, не угадаешь. Что же до остальных, случившемуся есть простое научное объяснение. Идея, как говорится, витала в воздухе, возникала там и сям, а когда исчерпала себя, все и закончилось. А все эти глупости в духе Джека с его бобовым стеблем...

Его прервал донесшийся со стороны окутанных сумерками холмов вопль потерянной души. Он усилился, потом начал затихать и вскоре смолк.

– «Поющие камни», – пояснил доктор, останавливаясь, чтобы снова набить трубку. – В здешних краях такие встречаются. Отверстия и полости в них образовались еще в ледниковый период. Звуки издают как раз в сумерках. Движение воздуха вызвано резким понижением температуры. Вот так и зарождаются всякие такие мысли.

Доктор раскурил трубку и двинулся дальше.

– Я не хочу сказать, – продолжал он, – что и без нее события развивались бы таким же образом. Безусловно, необходимое состояние психики – ее заслуга. Было в ней что-то создающее атмосферу. Этот ее затейливый старомодный французский, король Артур с Круглым столом, Мерлин, – видимо, они эту атмосферу и воссоздали. Плутовка не промах, этим все и объясняется. Но ее взгляд, полный курьезной отрешенности...

Фраза осталась незаконченной.

– А что до старика Литлчерри, – вдруг снова заговорил доктор, – так фольклор, оккультизм, прочая белиберда – его стихия. Если постучаться к нему в дверь с самой настоящей Спящей красавицей на руках, старик тут же разведет суету с подушками, чтобы она как следует выпалась. Однажды он нашел какое-то семечко – отколупнул от древней окаменелости, – посадил в горшок и поставил у себя в кабинете. Вырос хилый сорняк из тех, что сразу и не заметишь. А послушать Литлчерри, так он прямо-таки открыл эликсир вечной жизни. Само собой, напрямую он об этом не говорил, но давал понять всем своим видом. Одно этого хватило бы, чтобы все и началось, да еще эта полоумная экономка-ирландка с головой, набитой эльфами, банши и бог весть еще чем.

Доктор вновь умолк. В темноте один за другим вспыхивали огни в деревне. Длинная и низкая светящаяся линия, подобно огненному дракону, уползала за горизонт, указывая путь экспресса Большой западной железной дороги, мало-помалу подкрадывающегося к Суиндону.

– Все это ни в какие рамки не укладывалось, – продолжал доктор, – совершенно ни в какие. Но если принять на веру объяснения старика Литлчерри...

Доктор споткнулся о незаметный в густой траве продолговатый серый камень и не упал лишь чудом.

– Руины очередного кромлеха. Если бы нам вздумалось проводить здесь раскопки, где-нибудь неподалеку мы точно наткнулись бы на горстку истлевших костей над прахом доисторической корзинки для пикников. Любопытное соседство!

Спускаться по каменистому склону холма было нелегко. Доктор умолк и вновь заговорил лишь на окраине деревни.

– Хотел бы я знать, куда они девались? – задумчиво произнес он. – Странное дело, странное. Я бы не отказался докопаться до сути.

Мы приблизились к калитке дома доктора. Он толкнул ее и вошел. Обо мне он как будто забыл.

– Обаятельная плутовка, – бормотал он про себя, отпирая дверь, – конечно, хотела как лучше. А все эти выдумки...

Изложенное далее я собрал, выслушав ничуть не похожие одна на другую версии профессора и доктора, а также обращаясь к сведениям, о которых знала вся деревня.

I. История

По моим подсчетам, эта история началась году в 2000-м до н. э., или, вернее (так как давние летописцы мало что смыслили в летоисчислении), в те времена, когда Ирландией правил король Эремон, а бретонскими дамами в белом¹ повелевала королева Гарбундия, любимой фрейлиной которой была фея Мальвина. Вот об этой Мальвине главным образом и пойдет речь. К ее чести, упоминания о ней в большинстве своем связаны с радостными событиями. Дамы в белом славятся добрым народом и чаще всего оправдывают свою репутацию. Но в Мальвине бок о бок с похвальными свойствами соседствовал озорной нрав, проявляющийся в проказах, простительных или по крайней мере понятных, если бы их совершали пикси или пигвиджины, но совершенно недостойных высоконравственной дамы в белом, претендующей на роль подруги и благодетельницы человечества. Однажды за отказ потанцевать с ней – в полночь, на берегу горного озера, в неподходящем месте и в неподходящее время для престарелого джентльмена, вероятно, страдающего ревматизмом, – Мальвина превратила в высшей степени респектабельного владельца оловянных рудников в соловья. В другой раз некая весьма могущественная королева имела несчастье повздорить с Мальвиной из-за ящерицы и какого-то нелепого пункта церемониала, а на следующее утро проснулась и обнаружила, согласно невнятному описанию, которое позволили себе оставить древние историографы, что стала похожа на тыкву-горлянку.

Профессор, который готов доказывать существование исторических свидетельств тому, что одно время у дам в белом имела некая община, считает, что эти превращения следует воспринимать как аллегорию. Если нынешние сумасшедшие считают себя фарфоровыми вазами или попугаями, мыслят и ведут себя соответственно, значит, по мнению профессора, существам, превосходящим их интеллектуально, было проще простого оказывать гипнотическое влияние и на суеверных дикарей с интеллектом чуть выше детского.

– К примеру Навуходоносор, – продолжаю я ссылаться на слова профессора. – В наши дни ему было бы никак не избежать смиренной рубашки. Живи он не в Южной Азии, а в Северной Европе, наверняка до нас дошла бы легенда о том, как какой-нибудь кобольд или штремкарл превратил его в причудливую помесь змеи, кошки и кенгуру.

Так или иначе, неистребимое стремление Мальвины что-то менять – в других – разрасталось, пока чуть не довело ее до нарушения общественного порядка и в конечном счете до беды.

¹ Женщины-призраки, появление которых часто ассоциируется с определенным местом, где произошла трагедия, или с отдельными семьями. Во многих странах дам в белом считают душами женщин, преданных женихом или мужем. – *Здесь и далее примеч. пер.*

Этому инциденту нет аналогов в летописях дам в белом, и, возможно, потому историографы распространяются о нем с явным удовольствием. Скандал разразился во время помолвки единственного сына короля Эремона, принца Эрбо, с принцессой Бертой Нормандской. Поначалу Мальвина помалкивала – видимо, выжидала удобного случая. Следует помнить, что бретонские дамы в белом были не просто феями как таковыми. В отдельных случаях они могли становиться женщинами, и, само собой, это обстоятельство должно было сказываться на отношениях дам с перспективными смертными мужчинами. Возможно, и принц Эрбо не без греха. В те прискорбно темные времена молодые мужчины не всегда бывали образцами благоразумия и порядочности, когда речь заходила о дамах, будь они в белом или нет. Хотелось бы верить, что данная дама была движима лучшими побуждениями.

Но даже это ее не оправдывает. В день свадьбы она превзошла себя. Как именно она изменила облик злополучного принца Эрбо, какой вид убедила его принять, несущественно с точки зрения нравственной ответственности Мальвины; хроники об этом умалчивают: очевидно, результат оказался настолько неделикатным, что уважающий себя летописец воздержался даже от намеков на него. Судя по отрывкам из других хроник, их автор не страдал излишней брезгливостью, так что читателю остается лишь благодарить его за эту недомолвку. Ее отсутствие могло стать крайне неприятным.

Разумеется, эффект, которого добивалась Мальвина, был достигнут. Принцессе Берте хватило единственного взгляда, чтобы без чувств повалиться на руки свиты. Свадьбу отложили на неопределенный срок. Увы, Мальвина, видимо, ликовала, но ее триумф был недолгим.

К несчастью для нее, король Эремон был известным покровителем искусства и науки того времени. В число его друзей входили влиятельные чародеи, джинны, девять бретонских эльфов-корриганов – словом, все, кто мог и, как показали события, был только рад помочь делу. Посланники явились к королеве Гарбундии, и даже если бы королева хотела, как уже бывало не раз, выгородить фаворитку, у нее не осталось выбора. Фее Мальвине приказали вернуть принцу Эрбо принадлежащее ему тело со всем, что к нему прилагалось.

Она отказалась наотрез – своевольная, упрямая фея, страдающая непомерным самомнением! Вдобавок примешались личные мотивы, а именно – женитьба принца на принцессе Берте! Теперь они у нее попляшут – и король Эремон, и Анниамус в его дурацком колдовском балахоне, и бретонские эльфы, и прочие!.. Благовоспитанной даме в белом не пристало заканчивать такие фразы даже мысленно. Представим, как сверкали глаза феи, как она топала ножкой. Что они ей сделают – все, кто горазд лишь болтать языком да качать головой? Ей, бессмертной фее? Прежний облик принцу Эрбо она вернет, когда ей заблагорассудится. Пусть занимаются своими фокусами, а ее оставят в покое. Не трудно вообразить, сколько прогулок и бесед состоялось между растерянной Гарбундией и ее неподатливой фавориткой, какими были попытки воззвать к разуму и чувствам последней: «Хотя бы ради меня... ну как ты не понимаешь?.. Дорогая, да какая разница, что он натворил!»

Наконец последнее терпение Гарбундии иссякло. В ее власти было предпринять то, чего Мальвина или не знала, или не предвидела. В ночь летнего солнцестояния дамы в белом были созваны на совет. Место их собрания древние историографы указали с несвойственной им точностью: эту землю волшебник Калиб много лет назад возвысил над всей Бретанью, дабы она стала усыпальницей короля Тарамиса. К северу от нее лежит море Семи островов. По-видимому, речь идет и о горном хребте Арре. Упоминание о «госпоже источника» указывает на глубокий тинистый пруд, откуда берет начало река Даржан. Грубо говоря, все произошло где-то между нынешними городами Морле и Кайак. Даже теперь пешие путники отмечают безлюдность этого нагорья – без деревьев, без жилья, без признаков деятельности человека, с одним только возвышающимся монолитом, вокруг которого беспрестанно слышен пронзительный вой ветра. Вероятно, на одном из обломков этой огромной серой глыбы восседала королева Гарбундия и вершила суд. Приговор не подлежал обжалованию и гласил, что фею

Мальвину надлежит изгнать из общины бретонских дам в белом. Отныне ей было суждено одиноко скитаться по земле, не надеясь на прощение. Имя Мальвины было торжественно вычеркнуто из списка дам в белом навсегда.

Удар, который обрушился на Мальвину, был особенно силен своей неожиданностью. Она удалилась, не проронив ни слова, ни разу не оглянувшись. Представим себе белое застывшее лицо, широко раскрытые, но невидящие глаза, неуверенную поступь дрожащих ног, нерешительно вытянутые перед собой руки, мертвенное молчание, окутавшее ее саваном.

С той самой ночи ни единого упоминания о фее Мальвине не встречается в хрониках бретонских дам в белом, равно как в легендах и прочем фольклоре. Следующее появление Мальвины в истории относится к 1914 году н. э.

II. Чем все обернулось

Однажды вечером в конце июня 1914 года командер авиазвена Раффлтон, временно прикомандированный к французской эскадрилье в Бресте, получил по беспроволочному телеграфу приказ немедленно вернуться в штаб британских ВВС в Фарнборо, Гемпшир. В ту ночь света великолепной полной луны было предостаточно юному Раффлтону, поэтому он решил выполнить приказ немедленно. По-видимому, аэродром за брестским арсеналом он покинул около девяти. За Уэльгоа у него забарахлил карбюратор. Поначалу он рассчитывал дотянуть до Ланьона и обратиться за помощью к опытным механикам, но карбюратор работал все хуже, поэтому, заметив внизу удобную ровную полосу, Раффлтон решил сесть и выяснить, в чем дело. Посадка прошла благополучно, пилот взялся за дело, но в одиночку провозился с ремонтом дольше, чем рассчитывал. Ночь выдалась теплой и душной, почти безветренной, и к тому времени как починка была закончена, Раффлтона измучили жара и усталость. Надев шлем, он уже забирался в кабину, как вдруг подумал, что в такую дивную ночь было бы приятно перед вылетом размять ноги и охладиться. Он раскурил сигару и огляделся.

Нагорье, выбранное им для посадки, напоминало стол, возвышающийся над окрестностями. Оно простиралось во все стороны, нигде поблизости не было видно ни деревьев, ни домов. Линия горизонта ломалась лишь там, где виднелось несколько серых камней, напоминающих столбы. Раффлтон предположил, что это руины какого-нибудь древнего менгира, – довольно обычное зрелище на безлюдных землях Бретани. Почти все камни были повалены и разбросаны – лишь один из них по какой-то странной причине столетия пощадили. Слегка заинтересованный, командер авиазвена Раффлтон неторопливо зашагал к нему. Луна достигла зенита. Не успев подумать о том, как тиха сегодняшняя ночь, Раффлтон отчетливо услышал и сосчитал удары церковного колокола, доносившиеся, должно быть, с расстояния не менее шести миль. Раффлтону запомнилось, как он взглянул на часы и заметил небольшое расхождение во времени: на его часах полночь миновала восемь минут назад. Когда последние отголоски колокольного боя затихли вдалеке, тишина и уединение вновь – настойчивее, чем прежде – завладели окрестностями. Пока Раффлтон был занят ремонтом, он ничего подобного не замечал, но рядом с черными тенями седых камней тишина казалась почти осязаемой. Представив себе, как вернется к самолету и запустит двигатель, Раффлтон испытал чувство облегчения. Рокот и гул вернут ему приятное ощущение жизни и безопасности. Но сначала он один раз обойдет вокруг камней. Удивительно, что древнее время не сокрушило их. Может, их поставили здесь десять тысяч лет назад, а они все стоят, как алтарь в обширном и пустом храме под небесным сводом. Пока Раффлтон смотрел на камни, зажав губами сигару и борясь со странным, полузабытым порывом преклонить колена, откуда-то из-за обломков древности послышались негромкие, размеренные звуки ровного дыхания.

Юный Раффлтон откровенно признается, что первым его побуждением было подхватиться и бежать. Лишь армейская закалка не дала ему ступить прочь по вереску ни единого

шага. Конечно, все объяснялось очень просто: где-то поблизости живет какой-то зверь. Но с каких это пор дикие звери спят так крепко, что их не тревожит шум человеческих шагов? Если зверь ранен и не в силах спастись бегством, тогда он не дышал бы так ровно, нарушая равномерностью этих звуков ночной покой и тишину. Вероятно, здесь гнездо совы. Совята издают похожие звуки – «похрапывают», как говорят деревенские. Юный Раффлтон отбросил сигару, встал на колени, пошарил в темноте перед собой и вдруг коснулся чего-то теплого, мягкого и податливого.

Но это была не сова. Видимо, прикосновение оказалось таким легким, что не разбудило спящую. Она так и лежала, подсунув ладонь под голову. Теперь он находился ближе, его глаза привыкли к полутьме, и он отчетливо увидел ее, чудо приоткрытых губ и сияние белых рук и ног под прозрачным одеянием.

Конечно, ему следовало бесшумно подняться и отойти, потом покашлять, а если она и тогда не проснется, легонько тронуть, скажем за плечо, и позвать – сначала тихо, потом погромче – *Mademoiselle* или *Mon enfant*. Или, еще лучше, на цыпочках удалиться, постаравшись не разбудить ее.

Но такое Раффлтону и в голову не приходило. Оправданием ему служит возраст, всего двадцать три года, а также то, что в лиловом лунном свете спящая показалась ему прекраснейшим из созданий. Вдобавок во всем происходящем чувствовалась некая тайна, атмосфера давних, незапамятных времен, до сих пор питающих соками корни жизни. По всей видимости, Раффлтон забыл, что он командер авиазвена Раффлтон, офицер и джентльмен, забыл, как правила приличия предписывают вести себя, обнаружив даму без компаньонки, спящую посреди вересковой пустоши. Еще вероятнее, что он вообще ни о чем не думал, просто подчинился порыву, наклонился и поцеловал незнакомку.

И не целомудренным поцелуем в лоб, не братским поцелуем в щеку, а пылким поцелуем в приоткрытые губы – поцелуем благоговения и радостного изумления, каким Адам наверняка пробуждал Еву.

Она открыла глаза и сонно уставилась на него. В том, что произошло, она ничуть не сомневалась: их губы по-прежнему соприкасались. Но она ничуть не удивилась, а тем более не рассердилась. Приняв положение сидя, она улыбнулась и протянула руку, чтобы ей помогли встать. Одни в гигантском храме под усыпанным звездами и освещенным луной сводом, рядом с мрачным серым алтарем для забытых обрядов, они застыли рука об руку, не сводя глаз друг с друга.

– Прошу прощения, – произнес командер Раффлтон. – Боюсь, я вас потревожил.

Как он вспоминал впоследствии, от смущения он заговорил по-английски. Но незнакомка отвечала ему на французском, затейливом старомодном французском, какой встретишь разве что на страницах молитвенников. Раффлтону нелегко дался буквальный перевод, но если пользоваться современными оборотами, смысл ее слов был следующим: «Не беда. Я рада, что ты пришел».

Он сделал вывод, что незнакомка ждала его. Но так и не понял, должен ли он извиниться за то, что слегка припозднился. Честно говоря, он так и не вспомнил, чтобы договаривался о встрече. Впрочем, в тот момент командер Раффлтон не помнил ничего, кроме самого себя и удивительного создания, находящегося рядом. Где-то далеко остались и целый мир, и лунный свет, и все это теперь казалось несущественным. Молчание нарушила незнакомка.

– Как ты сюда попал?

Раффлтон не собирался затевать игру в загадки, но был всецело поглощен созерцанием собеседницы.

– Прилетел.

Она широко раскрыла глаза, но в них отразился интерес, а не сомнение.

– Где же твои крылья? – Она попыталась заглянуть ему за спину.

Раффлтон рассмеялся: это детское любопытство придало ей больше сходства с человеком.

– Вон там.

Она впервые увидела гигантские плоскости крыльев, серебряно поблескивающие под луной.

Незнакомка направилась к ним, а Раффлтон двинулся следом, без удивления отмечая, что ее белые ножки не приминают вереск.

Она остановилась неподалеку от самолета, Раффлтон подошел и встал рядом. Даже ему вдруг показалось, что огромные крылья подрагивают, точно птица расправляет их перед полетом.

– Он живой? – спросила незнакомка.

– Нет, пока я не поколдую шепотом, – ответил Раффлтон, постепенно переставая ее побаиваться.

Она повернулась к нему.

– Летим?

Раффлтон воззрился на нее: она не шутила, это было очевидно. Сейчас она возьмет его за руку и улетит вместе с ним. Все уже решено. Поэтому он и прилетел. Куда они отправятся, ей не важно. Это ему решать. Но куда он, туда и она. Именно такой план и сложился у нее в голове.

Отметим к его чести, он все же попытался проявить благоразумие. Наперекор всем силам природы, своим двадцати трем годам и крови, кипящей в жилах, наперекор окутывающим его испарениям лунного света в канун летнего солнцестояния и зову звезд, наперекор демонам поэзии, романтики и мистики, напевающим ему на ухо чарующие мелодии, наперекор удивительной красоте стоящего рядом создания, облаченного в мантию ночи, командер авиазвена Раффлтон честно вступил в бой за правое дело здравого смысла.

Молодым воспитанным офицерам ВВС его величества следует избегать юных и скудно одетых особ, которые не прочь прикорнуть на вереске в пяти милях от ближайшего человеческого жилья. А неземная красота и обаяние этих особ должны служить добавочным предостережением. Видно, эта девушка рассорилась с матерью и сбежала из дому. Вот до чего доводит треклятый лунный свет. Неудивительно, что собаки лают на луну. Раффлтон был готов поверить, что и сейчас слышит лай. Добрые, почтенные, цельные натуры эти псы. Чертовой сентиментальности в них нет и в помине. Да, он поцеловал ее – и что? Не хватало только связывать судьбу с каждой женщиной, которую целуешь! А уж эту наверняка поцеловали не впервые – конечно, если бретонские мужчины не слепы или немощны. А эта невинность и простодушие – напускное. Или она полоумная. Правильнее всего сейчас было бы пошутить, посмеяться, распрощаться, завести мотор и отбыть в Англию – милую, практичную, веселую Англию, где его ждут завтрак и ванна.

Силы неравны, это видно сразу. Бедняжка чопорная Рассудительность с ее вызывающе курносом носом, визгливым смешком и внутренне присущей пошлостью! Ей противостоит ночная тишина, музыка времени и биение сердца.

Легкая горстка праха пала к его ногам и рассеялась от дуновения пролетающего ветерка. Он остался беззащитным, околдованным взглядом ее глаз.

– Кто ты? – спросил он.

– Мальвина, – ответила она. – Я фея.

III. Как влип кузен Кристофер

Раффлтона осенило: может, посадка прошла не так удачно, как ему показалось, может, он не сел, а рухнул, и теперь опыт командера авиазвена остался для него в прошлом, а его ждет

новое, неопределенное существование. Если так, то его начало показалось многообещающим юному духу, не чуждому авантюризму. Цепь этих размышлений прервал голос Мальвины.

– Летим? – снова произнесла она, но теперь ее голос звучал не вопросительно, а властно.

Почему бы и нет? Что бы с ним ни случилось, на какую бы плоскость существования он ни попал, самолет последовал за ним. Раффлтон машинально завел мотор. Его знакомый рокот намекнул, что, возможно, жизнь продолжается в обычном понимании этого слова. А заодно и указал, что целесообразно будет настоять, чтобы Мальвина надела запасной плащ. Рост Мальвины не превышал пяти футов трех дюймов, а плащ был сшит на мужчину ростом шесть футов один дюйм, и при обычных обстоятельствах в такой одежде она смотрелась бы комично. Однако именно теперь командер Раффлтон окончательно убедился в том, что она самая настоящая фея: в плаще с воротником, возвышающимся дюймов на шесть над ее головой, она походила на фею больше, чем прежде.

Оба молчали. Почему-то слова казались лишними. Раффлтон помог Мальвине забраться на ее место и укутал ноги полами плаща. Она ответила той же улыбкой, с которой в первый раз подала ему руку. Это была улыбка бесконечной удовлетворенности, словно все ее беды остались позади. Командер Раффлтон искренне надеялся на это. Минутный проблеск рассудка подсказывал ему, что его собственные беды только начинаются.

Должно быть, заботы о самолете взяло на себя подсознание командера Раффлтона. Несколько миль он пролетел над удаленными от моря землями, затем свернул к побережью чуть южнее маяка на мысу Аг. Там, насколько он помнит, пришлось сесть, чтобы долить топлива в бак. Не подозревая, что у него появится пассажирка, он занял свободное место запасом горючего, который пришелся кстати. Мальвина заинтересованно наблюдала, как то, что она, вероятно, сочла некой новой породой драконов, кормят из жестянок, извлеченных из-под ее ног, но восприняла и этот случай, и другие подробности полета естественно, как должное. Чудовище утолило голод, ожило, оттолкнулось от земли и с ревом взмыло в небо, оставив внизу подбиравшийся к нему прибор.

Скорее всего командеру авиазвена Раффлтону, как и всем нам, еще предстоит испытание души неприглядным и банальным. Немалую часть отпущенных ему лет отнимут низменные надежды и опасения, нечестная борьба, мелочные заботы и пошлые хлопоты. Однако верится и в то, что с ним навсегда останется, украшая жизнь, воспоминание о той ночи, когда он, подобно божеству, летел по ветру в венце мирской славы и вождения. Он поминутно поворачивался, чтобы взглянуть на Мальвину, и всякий раз она отвечала ему взглядом столь удивительного глубокого довольства, что он словно окутывал обоих одеянием бессмертия. Можно мельком отметить, что чувства, которые внушал Раффлтону этот взгляд, невольно отражаются в его глазах и теперь, когда он рассказывает об этом чудесном путешествии; о них можно судить по внезапности, с которой замирают на его губах избитые слова. Ему повезло, что его внутреннее «я» крепко держалось за штурвал, иначе ничего, кроме обломков, качающихся на волнах, не осталось бы от подающего большие надежды молодого авиатора, в ту июньскую ночь уверенного, будто бы он способен хватать звезды с неба.

На полпути их встретила заря, вспыхнувшая над скалами Нидлс и вскоре отвоевавшая у мрака длинную, протянувшуюся с востока на запад полосу окутанной туманом низменности. Один за другим из моря вырастали утесы, белокрылые чайки вылетели навстречу самолету. Раффлтон был почти уверен, что они превратятся в духов и с приветственными криками окружат Мальвину.

Чем ближе они подлетали, тем быстрее поднимался туман и угасал лунный свет. Наконец их глазам предстал плавный изгиб Чезил-Бэнк, а за ним прятался Уэймут.

Может, причиной стали купальные кабинки на колесах, или газгольдеры за железнодорожной станцией, или флаг над отелем «Ройял», но занавес ночи вдруг открылся перед глазами Раффлтона. Будничный мир стучался в двери.

Раффлтон взглянул на часы: начало пятого. На базе его ждут утром, как он и обещал. Наверное, уже высматривают. Следуя прежним путем, они с Мальвиной успеют как раз к завтраку. Можно представить ее полковнику: «С вашего позволения, полковник Гудайер, – фея Мальвина». А можно посадить ее где-нибудь между Уэймутом и Фарнборо. Не особенно раздумывая, Раффлтон решил предпочесть второе. Вот только где ее посадить? Как с ней поступить? Можно доставить к тете Эмили. Кажется, она подыскивала гувернантку-француженку для Джорджины. Правда, французский Мальвины чуточку старомоден, зато выговор очарователен. А когда он задумался об оплате уроков, в голову явилась мысль о дяде Феликсе и трех его старших сыновьях. Чуть подсказывало Раффлтону, что тетя Эмили не одобрит Мальвину. Его отец, милейший пожилой джентльмен, какие только есть на свете, мог бы приютить гостью. Раффлтон с отцом всегда понимали друг друга. Но его мать!.. Насчет нее Раффлтон серьезно сомневался. Ему представилась гостиная в доме на Честер-террас. Негромкий шорох платья, появление матери. Ее ласковое и вместе с тем сдержанное приветствие. И легкое замешательство, с которым она будет молча ждать, когда сын объяснит ей присутствие Мальвины. О том, что она фея, придется умолчать. Он не представлял, как будет вдаваться в детали под материнским взглядом сквозь пенсне в золотой оправе: «Эту юную леди я нашел спящей посреди бретонской вересковой пустоши. Ночь выдалась дивная, в самолете нашлось свободное место. И она... то есть я... словом, вот мы и здесь». После томительной паузы изящные дуги бровей приподнимутся: «Иными словами, дорогой мой, ты допустил, чтобы эта... – чуть заметное сомнение, – эта юная особа покинула свой дом, народ, друзей и родных в Бретани, чтобы сопровождать тебя. Можно узнать, в каком качестве?»

Ибо в таком свете и предстанет случившееся, и не только для его матери. Допустим, что каким-то чудом ее догадка окажется верной. Допустим, что, несмотря на убедительные доказательства в пользу Мальвины – ночь, луну, звезды, ощущение, возникшее у Раффлтона в тот миг, когда он поцеловал ее, – допустим, что, несмотря на перечисленное, она все-таки не фея. Допустим, предположение пошлой Рассудительности о том, что озорница просто сбежала из дому, попало в яблочко. Допустим, расследование уже началось. Самолеты мощностью в сотню лошадиных сил не остаются незамеченными. Кажется, есть какой-то закон на этот счет – что-то там о «совращении юных девушек». Но он ее не «совращал». Если уж на то пошло, это она его «совратила». Считается ли ее согласие смягчающим обстоятельством? Сколько ей лет? Вот в чем вопрос. Предположительно тысяча, а может, и больше. Беда в том, что на свой возраст она не выглядит. Недружелюбно и подозрительно настроенный судья решит, что он ближе к шестнадцати годам. Вполне возможно, что он, Раффлтон, влип черт знает во что. Он оглянулся. Мальвина ответила ему своей неизменной и непередаваемо довольной улыбкой. И впервые вызвала у Раффлтона отчетливое раздражение.

К тому времени они приближались к Уэймуту. Раффлтон уже различал афиши на фасаде кинотеатра, обращенном к набережной: «Уилкинс и русалка. Комедия». И рядом – изображение некой дамы, расчесывающей волосы, и крепыша Уилкинса в полосатом купальном костюме.

Вспоминая безумный порыв, нахлынувший на него с первым лучом зари и заставивший стряхнуть с крыльев съезжившийся мир, ринуться вверх, к звездам, чтобы уже никогда не возвращаться, как он жалел о том, что удержался!

А потом вдруг в голову пришла мысль о кузене Кристофере.

Милый старый кузен Кристофер, холостяк в свои пятьдесят восемь лет. Как он раньше до этого не додумался? Перед взором командера Раффлтона откуда ни возьмись возник кузен Кристофер в образе пухлого румяного ангела в панаме и крапчатом твиде, протягивающего спасательный круг. Кузен Кристофер примет Мальвину, как клуша – осиротевшего утенка. Фею, найденную спящей в тени древних менгиров Бретани! Бояться он будет лишь одного: как бы фею не отняли у него прежде, чем он успеет написать о ней научный труд. Скорее всего

кузен уже перебрался из Оксфорда к себе в коттедж. На миг название деревни вылетело у командера Раффлтона из головы. Ничего, вернется. Это где-то к северо-западу от Ньюбери. Пересекаешь равнину Солсбери и держишь курс прямо на башню Магдалины. Гряда Даунса подступает к самым воротам сада. Там найдется и ровная полоса дерна длиной почти полмили. И командер Раффлтон решил, что провидение создало кузена Кристофера и старательно оберегало его как раз для этой задачи.

А он, Раффлтон, уже не тот, что прошлой ночью, не замороженный луной юнец, с которым фантазия и воображение могли вытворять что им вздумается. Свежий, чистый утренний воздух оттеснил эту сторону его натуры в дальний угол. Он командер Раффлтон, энергичный и сообразительный молодой инженер, которого не проведешь. Вот об этом и надо помнить. Совершив посадку на безлюдном пляже, он вновь потревожил Мальвину, извлекая из-под ее ног жестянки с топливом. Он думал, что при ярком дневном свете его пассажирка окажется миловидной девушкой, похожей на ребенка, чуть растрепанной и, пожалуй, слегка напуганной, что неудивительно после трех часов полета со скоростью пятьдесят миль в час. Но чувства, которые Раффлтон впервые испытал, когда разбудил ее поцелуем, вернулись так внезапно, что он замер в нескольких шагах от девушки, уставившись на нее во все глаза. Правда, ночь уже миновала, а вместе с ней прошла и тишина. Мальвина повернулась лицом к солнцу, облаченная в плащ от Барберри, великоватый ей размеров на десять. За ее спиной виднелся ряд купальных кабинок на колесах, а дальше, за ними, – еще один газгольдер. На расстоянии полумили от них с грохотом маневрировал товарный состав.

Но очарование осталось при ней – нечто неопишемое, но почти осязаемое, то, что придавало ей вид существа не от мира сего.

Раффлтон взял ее за протянутую руку, она легко выскочила из кабины. Никакой растрепанности он не заметил. Казалось, воздух – ее родная стихия. Мальвина оглядывалась с интересом, но без особого любопытства. Первой ее заботой стала машина.

– Бедненький! – воскликнула она. – Он, должно быть, устал.

И слабый трепет страха, который он почувствовал, увидев, как она открыла глаза в тени менгира, вернулся к нему. Неприятными его ощущения не были, скорее вносили в ситуацию пикантность, но вместе с тем сомнений не вызывали. Наблюдая за кормлением летающего чудовища, Мальвина дождалась, когда Раффлтон подошел и встал рядом с ней на желтом песке.

– Англия! – объявил он и взмахнул рукой. Видимо, у Мальвины сложилось впечатление, что эта земля принадлежит ее спутнику. И она благосклонно повторила ее название. В ее устах это слово показалось командеру Раффлтону названием страны чудес и рыцарской романтики.

– Я слышала о ней, – добавила Мальвина. – Думаю, она мне понравится.

Выражая надежду на то же самое, он был убийственно серьезен. Вообще-то он обладал чувством юмора, но в ту минуту оно, похоже, покинуло его. Он объяснил Мальвине, что опекать ее будет мудрый ученый, кузен Кристофер, – как предположила она, некий друг-волшебник. Раффлтон добавил, что самому ему придется покинуть ее, но ненадолго.

Все эти подробности казались Мальвине несущественными. Очевидно, в голове у нее уже отложилось, что Раффлтон приставлен к ней, хозяином или слугой – пока неясно: вероятно, и тем и другим, преимущественно последним.

Он еще раз повторил, что вернется сразу же, как только представится возможность. Но мог бы этого и не говорить: в том, что он поспешит вернуться, она не сомневалась.

Уэймут с его купальными кабинками на колесах и газгольдерами скрылся из виду. Пролетая над Нью-Форестом, они увидели выезд короля Руфуса на охоту, а с равнины Солсбери им махали руками смеющиеся пикси². Потом звон наковальни возвестил, что пещера бога-

² Добрые маленькие существа в фольклоре юго-западной Англии; в пикси воплощаются души младенцев, умерших до крещения.

кузнеца Вёлунда совсем рядом, и вскоре самолет легко и плавно опустился на землю у самых ворот сада кузена Кристофера.

В Даунсе насвистывал подпасок, в долине пахарь впрягал лошадей в плуг, но гряда холмов скрывала из виду деревню, поблизости не было ни души. Раффлтон помог Мальвине спуститься на землю и, усадив ее на сломанную ветку под грецким орехом, осторожно направился к дому. В саду он застал молоденькую служанку. Она выбежала из дому на шум пропеллера и теперь стояла, глядя в небо, поэтому не замечала Раффлтона, пока он не взял ее за плечо. К счастью, она слишком перепугалась, чтобы завизжать. Раффлтон торопливо отдал ей распоряжение постучать в дверь профессора и сообщить, что его кузен, командер Раффлтон, ждет его в саду. Нет, заходить в дом командеру не хотелось бы. Не выйдет ли профессор немедленно поговорить с командером в саду?

Немного напуганная, служанка ушла в дом, повторяя про себя его слова.

– Боже милостивый! – слышался из-под одеяла возглас кузена Кристофера. – Он невредем?

Служанка за приоткрытой дверью ответила утвердительно. Во всяком случае, она ничего такого не заметила. Не соблаговолит ли профессор выйти поскорее? Командер Раффлтон ждет его в саду.

И кузен Кристофер, вылитый друг-волшебник в домашних шлепанцах на босу ногу, в халате цвета горчицы и в черной ермолке, суетливо потрусил вниз по лестнице и в сад, досадуя на «бесшабашных озорников» и причитая, что он «так и знал», и вздохнул с облегчением, лишь когда увидел живого и невредимого Артура Раффлтона, идущего навстречу. А потом, спохватившись, удивился: тогда какого же дьявола его подняли с постели в шесть часов утра?

Но разбудили его не без причины. Не говоря ни слова, Артур Раффлтон огляделся так настороженно, словно скрывал если не преступление, то по меньшей мере тайну, и все так же молча повел кузена Кристофера за руку в дальний конец сада. Там на сломанной ветке грецкого ореха кузен Кристофер увидел брошенный плащ цвета хаки, который при их появлении поднялся.

Но совсем не высоко. Плащ стоял спиной к мужчинам, его воротник выделялся на фоне неба, но головы над воротником не наблюдалось. Выпрямившись, плащ обернулся, и кузен Кристофер увидел детское личико. А потом пригляделся и понял, что перед ним вовсе не дитя. Так и не выяснив, что именно он видит, кузен Кристофер застыл как вкопанный и перевел взгляд вытаращенных глаз с существа в плаще на командера авиазвена Раффлтона.

Раффлтон обратился к Мальвине:

– Это профессор Литлчерри, мой кузен Кристофер, о котором я вам говорил.

Видимо, Мальвина приняла профессора за важную персону, потому и попыталась присесть в реверансе, однако в плотном плаще с волочащимися полами это оказалось не только трудноосуществимым, но и опасным делом, о чем профессор сразу догадался.

– С вашего позволения... – произнес он, намереваясь избавить ее от командерского плаща, и Мальвина охотно согласилась принять помощь.

Командер Раффлтон едва успел вмешаться:

– Пожалуй, не стоит. Если не возражаешь, лучше поручим это миссис Малдун.

Профессор оставил плащ в покое, к некоторому разочарованию Мальвины: вероятно, она не без оснований полагала, что без плаща произведет более выгодное впечатление, – но, судя по всему, одним из секретов ее обаяния было умение с улыбкой принимать все, что ни делалось ради ее блага.

– Пожалуй, – обратился командер Раффлтон к Мальвине, вновь застегивая на плаще самые существенные пуговицы, – я попрошу вас представиться моему кузену Кристоферу и объяснить, кто вы, – у вас это получится лучше, чем у меня.

(Мысленно командер Раффлтон добавил: «Если старик услышит такое от меня, то решит, что я морочу ему голову. А из ее уст рассказ прозвучит совсем иначе».)

– Вы не против?

Мальвина ничуть не возражала. Она наконец исполнила реверанс; точнее – все выглядело так, словно в реверансе присел плащ, вдобавок с неожиданными для него грацией и достоинством.

– Я фея Мальвина, – объяснила она профессору. – Вы, наверное, слышали обо мне. Я была фавориткой Гарбундии, королевы бретонских дам в белом, только давным-давно.

Друг-волшебник устремил на нее взгляд вытаращенных глаз, несмотря на изумление, добрый и понимающий. Потому Мальвина и продолжила свою краткую и печальную исповедь:

– Это случилось в те времена, когда Ирландией правил король Эремон. За один дурацкий и злой поступок меня наказали, лишив привычного общества. С тех пор... – плащ попытался трогательно развести руками, – я странствую одна.

Ее объяснение просто не могло не показаться абсурдным на английской земле, в 1914 году, изложенное в присутствии умного и образованного молодого офицера из инженеров и пожилого профессора Оксфорда. Через дорогу работник доктора отпирал гараж, через всю деревню с грохотом прокатилась тележка молочника, припозднившегося к лондонскому поезду, в саду витал слабый аромат яичницы с беконом, смешиваясь с благоуханием лаванды и гвоздики. Командеру Раффлтону еще можно найти оправдание, свидетельство чему – весь предыдущий рассказ. Но профессор! Ему следовало взорваться гомерическим хохотом или хотя бы покачать головой и объяснить, что такое поведение не сулит девочкам ничего хорошего.

Однако он лишь перевел взгляд с командера Раффлтона на Мальвину, потом обратно, и глаза у него при этом были выпученными и круглыми как по циркулю.

– Господи помилуй! – выдохнул профессор. – Уму непостижимо!

– А разве в Ирландии был король Эремон? – спросил командер Раффлтон. Авторитет профессора в подобных вопросах был общеизвестен.

– Ну разумеется, был, – отозвался профессор с таким негодованием, словно командер пожелал узнать, действительно ли существовал Юлий Цезарь или Наполеон. – Как и королева Гарбундия. О Мальвине всегда упоминают в связи с ней.

– Что же она натворила? – допытывался командер Раффлтон. Оба словно забыли о присутствии Мальвины.

– Запомню, – сознался профессор, – надо уточнить. Насколько мне помнится, там было что-то насчет дочери короля Данкрата. Он еще основал нормандскую династию. С Вильгельмом Завоевателем и прочей компанией. Господи Боже!

– Ты не против, если она побудет у тебя, пока я не разберусь с делами? – спросил командер Раффлтон. – Если бы ты согласился, я был бы тебе чрезвычайно признателен.

Неизвестно, каким бы стал ответ, будь у профессора возможность призвать на помощь свой недюжинный ум. Безусловно, он был заинтересован, даже, если угодно, взбудоражен. Он всю жизнь увлекался фольклором, легендами, традициями. И вот теперь перед ним единомышленница, чтобы не сказать большего. Похоже, кое-какие знания у нее имеются. Но откуда они взялись? Неужели ему, профессору, известны не все источники?

Но поселить ее у себя! Предоставить ей единственную свободную спальню! Ввести в местное общество – в каком качестве? Представить новым жильцам Мэнор-Хауса. Члену парламента и его наивной молодой жене, которые этим летом поселились в доме викария, академику Доусону и Карлторпам!

Если бы он решил, что игра стоит свеч, то мог бы подыскать ей жилье в какой-нибудь приличной французской семье: был у него знакомый еще по Оксфорду, столяр; жена его в

высшей степени достойная женщина, – а он, профессор, мог бы навещать их время от времени с блокнотом в кармане и расспрашивать Мальвину.

Предоставленный себе, он был способен действовать как здравомыслящий и разумный гражданин, но не всегда. Существуют свидетельства, подтверждающие второе. Так что полной определенности тут нет. Но что касается данного конкретного случая, профессор заслуживает прощения: решение приняли за него.

Во время первой посадки в Англии командер Раффлтон сообщил Мальвине о своем намерении оставить ее временно на попечение мудрого ученого Кристофера. С точки зрения Мальвины, считавшей командера даром богов, вопрос был решен. Разумеется, мудрый ученый Кристофер знал, что его ждет. По всей вероятности, он по велению и под руководством богов и выстроил эту цепь событий. От Мальвины требовалось лишь выразить ему признательность. Ждать, когда профессор ответит, она не стала. Плащ, который немного сковывал ее движения, внушал умиление. Взяв руку мудрого ученого Кристофера, Мальвина преклонила колено и поцеловала ее.

И добавила на своем затейливом и старомодном французском, который профессор понял благодаря многолетнему изучению хроник Фруассара:

– Благодарю вас за великодушие и гостеприимство.

Происходящее каким-то загадочным образом вдруг приобрело значимость исторического события. Профессор вдруг возомнил себя – и продолжал мнить в присутствии Мальвины – высокопоставленной и могущественной особой. Его владетельная сестра – между прочим (хотя, разумеется, для высокой политики это несущественно), самое изумительно прекрасное создание, какое он когда-либо видел – милостиво согласилась стать его гостьей. Поклоном, которому он мог бы научиться при дворе короля Рене, профессор продемонстрировал, что понимает оказанную ему честь. А что еще оставалось уважающему себя суверену? Инцидент был исчерпан.

Командер авиазвена Раффлтон ничего не предпринял, чтобы вновь создать его. Наоборот, именно в этот момент он объяснил профессору, насколько необходимо ему, Раффлтону, незамедлительно отбыть в Фарнборо. Командер Раффлтон добавил, что «наведается к ним обоим» сразу же, как только получит отпуск, и посоветовал профессору убедить Мальвину говорить помедленнее, чтобы ее французский стал понятным.

Профессор сообразил спросить у командера Раффлтона, где тот нашел Мальвину, – если, конечно, помнит. А еще – как он намерен поступить с ней в дальнейшем, если, конечно, ему это известно. С сожалением напомнив, что он страшно спешит, командер Раффлтон наскоро объяснил, что нашел Мальвину спящей под менгиром неподалеку от Уэльгоа в Бретани и, увы, разбудил. Не затруднит ли профессора выяснить детали у самой Мальвины? А лично он, Раффлтон, вряд ли когда-либо сумеет должным образом отблагодарить профессора.

Решительно пресекая любые попытки продолжить беседу, командер с воодушевлением пожал кузену Кристоферу руку, а потом повернулся к Мальвине. Она стояла не шелохнувшись и не сводя с него глаз. Командер медленно шагнул к ней и, не сказав ни слова, поцеловал в губы.

– Ты поцеловал меня уже во второй раз, – произнесла Мальвина, и на ее губах заиграла загадочная улыбка. – В третий раз я стану женщиной.

IV. Как скрывали тайну от миссис Арлингтон

Профессор и сам не понимал, почему наедине с Мальвиной, вопреки всем обстоятельствам, не чувствует ни замешательства, ни смущения. Когда речь шла только о них двоих, все было просто и почти забавно. Забеспокоиться могли окружающие.

В саду вертелась молоденькая служанка. Охваченная любопытством, она надеялась украдкой подсмотреть хоть что-нибудь. Миссис Малдун настойчиво и безуспешно звала ее в кухню. Вопрос с одеждой оставался открытым.

– У вас с собой ничего нет? – спросил профессор. – Я имею в виду, какого-нибудь платья?

Мальвина сопроводила ответную улыбку легким жестом, означавшим, что профессор уже видит все, что ей принадлежит.

– Мы вам что-нибудь подыщем. То, в чем можно показаться...

Он хотел сказать «в нашем мире», но на миг вдруг смешался, не зная точно, к какому миру принадлежит сам: ее или миссис Малдун – поэтому закончил фразу словами «на людях». Еще одним жестом Мальвина сообщила ему, что ничуть не возражает.

– Кстати, в чем вы сейчас? – спросил профессор. – Под плащом? Может, сойдет и эта одежда – на день-другой?

По каким-то не вполне понятным Мальвине причинам командер Раффлтон запретил ей снимать плащ, а расстегивать – нет. И Мальвина расстегнула.

После этого профессор, к изумлению Мальвины, поступил точно так же, как капитан Раффлтон, то есть поспешно застегнул плащ сам, протолкнув пуговицы в петли.

Мальвина забеспокоилась, что отныне обречена вечно носить на себе плащ командера Раффлтона.

– Интересно, – размышлял вслух профессор, – найдется ли в деревне...

Вдруг он заметил молоденькую служанку: делая вид, будто собирает крыжовник, она вертелась у ближайших кустов.

– Посоветуемся с моей домоправительницей, миссис Малдун, – решил профессор. – Что-нибудь да придумаем.

Профессор предложил Мальвине руку. Другой рукой она подобрала подол командерского плаща.

– Пожалуй, – заговорил профессор, которого внезапно осенило, пока они шли через сад, – пожалуй, я скажу миссис Малдун, что вы прибыли прямо с маскарада.

Миссис Малдун они нашли в кухне. Невозможно вообразить историю появления Мальвины, которая была бы менее правдоподобна, чем та, которую профессор намеревался изложить миссис Малдун. Из чистого человеколюбия миссис Малдун прервала его.

– Я и не собиралась устраивать допрос, так что не губите свою бессмертную душу. Приведите-ка лучше в порядок себя, а девицу предоставьте нам с Друзиллой: авось мы придадим ей пристойный вид.

Упоминание о том, что и его внешность далеко не благопристойна, встревожило профессора. Набрасывая халат и шлепанцы на босу ногу, он не предвидел, что познакомится со старшей фрейлиной самой королевы Гарбундии. Потребовав немедленно прислать ему воды для бритья, профессор удалился в ванную.

Он как раз брился, когда миссис Малдун, настойчиво заколотив в дверь, потребовала впустить ее. Судя по ее голосу, в доме случился пожар. Профессор отпер дверь, миссис Малдун убедилась, что он одет, проскользнула в ванную и прикрыла дверь за собой.

– Где вы ее нашли? Как она здесь очутилась?

До сих пор он видел свою домоправительницу всегда спокойной, в добром расположении духа. Теперь же ее буквально трясло.

– Я ведь говорил, что молодой Артур...

– Все, что вы мне наговорили, я слышала, – перебила миссис Малдун. – А теперь хочу услышать правду, если она вам известна.

Профессор предложил миссис Малдун присесть, и она рухнула на придвинутый стул.

– В чем дело? – спросил хозяин. – Что стряслось?

Диковато оглядевшись по сторонам, домоправительница истерически прошептала:

– Вы привели в дом не женщину, а фею!

Сейчас он и сам не знает, верил ли до того момента в историю Мальвины или же в глубине души был убежден в ее абсурдности. Перед профессором открывался Оксфорд: политическая экономия, историческая критика, взлет и развитие рационализма. За его спиной, теряясь во мраке далеких времен зарождения человечества, простиралась неизведанная территория, по которой он с наслаждением странствовал сорок лет, – населенная духами земля погребенных тайн и затерянных троп, ведущих к секретным вратам знаний.

И вот теперь это шаткое равновесие со всего маху разрушила миссис Малдун.

– Как вы догадались? – спросил профессор.

– Чтоб я да не узнала метку? – чуть ли не с презрением отозвалась миссис Малдун. – Разве не похитили у моей сестры ребенка в тот самый день, когда он родился, а вместо него...

В дверь постучала молоденькая служанка.

Оказалось, мадемуазель уже «готова». Как с ней быть теперь?

– Меня лучше не спрашивайте, – прежним напуганным шепотом предупредила миссис Малдун. – Не могу я, и все тут. Даже если все святые будут умолять меня, стоя на коленях.

Взывать к здравому смыслу миссис Малдун было бесполезно – профессор знал это; вдобавок вразумлять домоправительницу ему было нечем – никаких доводов у него не имелось. Не открывая дверь, он велел отвести «мадемуазель» в столовую. А потом, дождавшись, когда шаги Друзиллы затихнут вдалеке, шепотом спросил миссис Малдун:

– Вы слышали про дам в белом?

Следовало признать, что мало нашлось бы подробностей из жизни фей, о которых миссис Малдун не слышала и в которые не верила. Но уверен ли профессор?..

Профессор дал слово чести джентльмена. Дам в белом причисляли к добрым, о чем, разумеется, знала миссис Малдун. Опасаться Мальвину не стоило – при условии, что ее никто не оскорбит.

– Если кто и осмелится ей слово поперек сказать, то не я, – заявила миссис Малдун.

– Она к нам ненадолго, – подхватил профессор. – Просто будем любезны с ней, вот и все.

– Лицо у нее доброе, – признала миссис Малдун, – и обхождение приятное.

В ее крепкое тело явно возвращался бодрый дух. Благосклонность дамы в белом стоило завоевать.

– Имейте в виду, – прошептал профессор, открывая дверь, чтобы выпустить миссис Малдун, – никому ни слова. Она не хочет огласки.

Безусловно, миссис Малдун покинула ванную, твердо решив, что по ее вине никто в деревне даже не заподозрит, кто на самом деле Мальвина, наряженная в праздничное платье Друзиллы. Платьице было милое, летнее, открывающее руки и шею, и во всех отношениях подходило Мальвине лучше, чем большинство элегантных туалетов. С обувью, увы, не сложилось. Мальвина решила эту проблему, оставляя ботинки вместе с чулками повсюду, где бывала. Она понимала, что поступает нехорошо: об этом свидетельствовали ее неизменные попытки спрятать ботинки. Они обнаруживались в самых неожиданных местах – за книгами в кабинете профессора, в пустых банках из-под чая в кладовой миссис Малдун. Последняя наотрез отказывалась даже вынимать ботинки из банок, и банки с их содержимым молча водружали на стол профессора. По возвращении Мальвину вновь ждала пара неумолимых и суровых ботинок. Уголки губ феи покаянно опускались.

Если бы профессор настаивал, она бы уступила. Но профессор не мог не переводить взгляд с черных укоризненных ботинок на виновные белые ступни, и его сердце сразу «переходило на сторону обвиняемого». В следующий раз в Оксфорде надо будет купить сандалии. Или другую обувь, поизящнее этих унылых, непреклонных ботинок.

Вдобавок сад Мальвина покидала не часто – по крайней мере днем, а точнее, когда в деревне кипела жизнь. Оказалось, Мальвина ранняя пташка. Посреди ночи, как сказал бы

любой христианин, миссис Малдун, которая все это время пребывала во взвинченном состоянии, часто слышала негромкий скрип открывшейся двери, приподнимала жалюзи и замечала промелькнувший край одежды, словно тающий в предрассветных сумерках, а потом слышала на холмах слабеющий голос, вплетающий в щебет птиц неизвестную песню.

Там, на холмах, между рассветом и восходом, Мальвина познакомилась с близнецами Арлингтон.

Конечно, им следовало бы лежать в постелях – всем троим, если уж на то пошло, – но близнецов оправдывает влияние дяди Джорджа. Это он рассказал им про Уффингтонское привидение и пещеру кузнеца Вёлунда, он дарил им на день рождения журнал «Пак»³. Близнецам всегда дарили общие подарки, на другие они и не глядели. В десять вечера они разошлись по спальням, но и спали по очереди, чтобы не пропустить момент. Как только начало светать, Виктория, караулившая у окна, разбудила Виктора, как и было условлено. Виктор уже был готов отказаться от их плана и снова уснуть, но Виктория напомнила ему, что он «покаялся». Близнецы сами оделись во что попроще и спустились из окон по плющу.

У самого хвоста Аффингтонской Белой лошади⁴ близнецы столкнулись с Мальвиной и, едва увидев ее, поняли, что она фея. Но они не испугались, разве что самую малость. Первым заговорил Виктор. Сдернув шляпу, он встал на одно колено, пожелал Мальвине доброго утра и выразил надежду, что она в добром здравии. Мальвина, явно довольная встречей, ответила, и тут в разговор вступила Виктория. Пока близнецам не исполнилось девять, за ними присматривала няня-француженка. Начав ходить в школу, Виктор забыл французский, а Виктория, сидевшая дома, по-прежнему болтала с *madame*.

– О, вы, должно быть, французская фея! – воскликнула Виктория.

Профессор убедил Мальвину: по причинам, объяснять которые незачем (он так и не объяснил почему), стоит избегать упоминаний о том, что она фея, – но отрицать правду не просил. И действительно, как она могла ее отрицать? От Мальвины следовало ожидать разве что молчания. Поэтому Виктории она объяснила, что ее зовут Мальвина, что она прилетела из Бретани в обществе «сэра Артура», так как наслышана об Англии и давно мечтала ее увидеть.

– И как она вам? – спросила Виктория.

Мальвина призналась, что Англия ее пленила. Еще нигде она не слышала столько птиц. Мальвина вскинула руку, и все трое застыли, прислушиваясь. На небе разгоралась заря, воздух наполнялся пением. Близнецам казалось, что птиц здесь миллионы. Они как будто слетелись отовсюду, преодолели много миль пути, чтобы спеть Мальвине.

А люди! Такие славные, добрые, искренние! Мальвина сказала, что сейчас гостит – «пользуется покровительством», как она выразилась, – у мудрого ученого Кристофера. Его «обиталище» видно отсюда, вон его трубы торчат над деревьями. Близнецы понимающе переглянулись. Не зря профессор с самого начала вызвал у них подозрения! Черная ермолка, крючковатый нос, изъеденные червями книги с пожелтевшими страницами – вне всякого сомнения, колдовские, – которые он часами изучал сквозь круглые, как глаза совы, очки в золотой оправе!

Виктор вспомнил подзабытый французский и поспешил узнать, не встречалась ли Мальвина с сэром Ланселотом «для разговоров».

Лицо Мальвины слегка омрачилось. Да, она со всеми знакома – с королем Утером, Игрейной, сэром Ульфiasом с островов. Она и беседовала с ними, и гуляла по прекрасной Франции. (Наверное, по Англии? Но Мальвина покачала головой. Видимо, они путешествовали повсюду.) Это она спасла сэра Тристана от козней феи Морганы.

– Только об этом, конечно же, – добавила Мальвина, – никто не узнал.

³ Пак – мифологический персонаж, домашний дух в фольклоре фризов, саксов и скандинавов.

⁴ Доисторическая меловая фигура длиной 110 м.

Близнецам было любопытно узнать, почему «конечно же», но перебивать они не решились. У Мальвины оказалось немало знакомых – и до знакомства с перечисленными, и после. О большинстве близнецы слышали впервые, а после времен Карла Великого в воспоминаниях Мальвины обнаружился пробел.

Все они были на редкость учтивы с ней, а кое-кто вообще очаровал ее, но...

Похоже, все они остались для Мальвины знакомыми, из тех, с которыми приятно коротать время в ожидании... и спастись от тоски.

– Но вам же нравился сэр Ланселот, – убеждал Виктор. Он надеялся, что Мальвина, восхищаясь сэром Ланселотом, поймет, как много общего между рано почившим рыцарем и им самим. Взять хотя бы ту историю с сэром Бедивером. Он, Виктор, поступил бы точно так же.

О да, признала Мальвина, он ей «нравился». Он всегда был таким... достойным.

– Но никто из них не принадлежал к моему народу, к моим дорогим спутникам... – И на лицо Мальвины вновь набежала тень.

В настоящее всех троих вернул Бруно.

По утрам пастух Полли первым делом выпускал Бруно побегать. Он примчался, вывалив язык и отдуваясь, явно обиженный, что его не взяли с собой. Бруно мог бы выдать обоих друзей, если бы не был самым миролюбивым черно-подпалым колли на свете. И за последние полчаса совсем извелся, уверенный, что его товарищи потеряли счет времени. «Вы что, не знаете, что уже скоро шесть? И что меньше чем через полчаса Джейн постучит к вам в спальни со стаканами горячего молока и наверняка уронит их и завизжит, увидев, что постели пусты, а окна распахнуты?» Все это Бруно собирался выпалить сразу же, но растерял все слава, едва учуял Мальвину. А когда взглянул на нее, то припал к земле и пополз на брюхе, скуля и поднимая пыль хвостом. Увидев, как пес свидетельствует ей почтение, Мальвина засмеялась и потрепала его по голове босой ступней, и Бруно был на седьмом небе от восторга. Вчетвером они спустились с холма и у садовой калитки расстались. Близнецы выразили вежливую и вместе с тем искреннюю надежду вновь увидеться с Мальвиной, но Мальвина, видимо, вдруг усомнившись в уместности своего поведения, ответила уклончиво. Через десять минут она уже спала, уронив золотистую головку на белую округлую руку, что и увидела миссис Малдун, направляясь на кухню. А близнецы, которым повезло найти боковую дверь незапертой, проскользнули в дом незамеченными и забрались в постели.

В четверть десятого будить их явилась сама миссис Арлингтон. Она была чем-то раздосадована и, судя по всему, недавно плакала. Завтракали в кухне.

Обед прошел и без разговоров, и без пудинга. Мистеру Арлингтону, коренастому джентльмену с багровым лицом, было не до сладостей. Это у остальных есть время сидеть и наслаждаться едой, но только не у мистера Арлингтона. Кто-то же должен присматривать за хозяйством, чтобы не допустить полного разорения. Если нельзя рассчитывать, что все будут исправно выполнять свои обязанности, если все дела в доме ложатся на плечи одного-единственного человека, само собой, у этого человека просто не найдется времени, чтобы спокойно завершить обед. Вот в чем первопричина упадка английского фермерства. Если бы фермерские жены – не говоря уже о сыновьях и дочерях в том возрасте, когда уже можно додуматься хоть чем-нибудь отплатить за потраченные на них деньги и силы, – если бы все они приложили старания, взялись за общее дело, тогда бы английское фермерство процветало. Но если все отлынивают от работы, пренебрегают своими обязанностями, перекладывая их на единственную пару рук...

Нить рассуждений мистер Арлингтон потерял из-за отчетливо прозвучавшего замечания старшей дочери: мол, папа успел бы и съесть пудинг, и попросить добавки, если бы не тратил время на болтовню. Если уж говорить начистоту, смысл слов мистера Арлингтона был следующим: в фермеры он никогда не метил – по крайней мере с детства об этом не мечтал. Другие мужчины в его положении, накопив опыт за годы самоотверженного труда, удалились бы от дел

на заслуженный отдых. Но раз уж он поддался на уговоры и взялся за эту работу, то выполнит ее как полагается и всем в доме придется помогать ему в этом, иначе им несдобровать.

Залпом допив содержимое своего стакана, мистер Арлингтон подпортил впечатление от эффектного выхода бурной икотой, а миссис Арлингтон яростно зазвонила в колокольчик, требуя убрать со стола. Нетронутый пудинг унесли из-под носа близнецов. Пудинг был черносмородиновым, с коричневым сахаром.

Тем вечером миссис Арлингтон поговорила с близнецами по душам – отчасти чтобы утешиться самой и отчасти им в назидание. Если бы миссис Арлингтон досталась менее снисходительная мать, все могло бы сложиться куда удачнее. Миссис Арлингтон была от природы наделена кипучей энергией и живостью. Няня прозвала ее «мисс Егоза». Увы, она растратила свои способности, не найдя им применения, и теперь уже не осталось никакой надежды вернуть их. Их отец совершенно прав: когда они жили в Бейсуотере и владели компанией на Минсинг-лейн, от нее мало что зависело. Но теперь все по-другому. Жена фермера должна подниматься в шесть и будить весь дом, должна приглядывать за слугами, держать марку, подавать пример детям. Организованность – вот что от нее требуется. Чтобы день был расписан по часам, чтобы каждому часу отводилось свое дело. А то оглянуться не успеешь, как утро пролетело, не знаешь, за что хвататься, бросаешь начатое, берешься за шесть дел разом, уже не помнишь, что сделала, что нет...

И миссис Арлингтон разрыдалась. Вообще-то она была спокойной, улыбчивой, дружелюбной женщиной, которую приятно видеть в доме при условии, что от нее требуется лишь хорошо выглядеть и пребывать в отличном настроении. Близнецы тоже ударились в слезы. Тщательно укрытые и предоставленные самим себе, они обсудили сложившуюся проблему со всей серьезностью, долго перешептывались, потом уснули, а утром их осенило. В итоге на следующий вечер, между чаем и ужином, миссис Малдун, открывшая дверь на стук, увидела на пороге профессорского дома близнецов, держащихся за руки.

Они спрашивали, дома ли фея.

V. Как обо всем узнала миссис Мэриголд

Пресловутого перышка не понадобилось: миссис Малдун ошарашенно пошатнулась, схватилась за скамью, но не удержалась. Попыталась вцепиться в спинку стула, но промахнулась. На пути вниз ее наконец остановил пол.

– Простите, пожалуйста, – виновато произнес Виктор. – Мы думали, вы знаете. Надо было спросить мадемуазель Мальвину.

Миссис Малдун ухитрилась встать и, не ответив, направилась напрямиком в кабинет.

– Там интересуются, дома ли фея, – сообщила миссис Малдун.

Профессор читал, сидя спиной к окну. Кабинет был освещен неярко.

– Кто интересуется?

– Близнецы из Мэнор-Хауса, – объяснила миссис Малдун.

– Но как?.. Но кто?.. – встрепнулся было профессор.

– Сказать, что ее нет дома? – предложила домоправительница. – Или вы сами скажете?

– Приведите их сюда.

Они вошли, слегка напуганные и по-прежнему держащиеся за руки, поздоровались с профессором, но когда он встал, попятились. Тот подал им руку, но они так и не расцепили пальцы, поэтому Виктория протянула в ответ правую руку, а Виктор – левую, после чего по приглашению профессора оба примостились на краешке дивана.

– Надеюсь, мы вас не отвлекаем, – заговорил Виктор. – Мы хотели повидаться с мадемуазель Мальвиной.

– Зачем вам понадобилась мадемуазель Мальвина?

– По очень личному делу, – сказал Виктор.

– Мы хотели попросить ее об огромном одолжении, – добавила Виктория.

– К сожалению, сейчас ее здесь нет. По крайней мере мне так кажется.

(Полной уверенности в своих словах профессор не чувствовал. «Она ускользает и возвращается бесшумно, как лепесток розы на ветру», – объясняла миссис Малдун.)

– Может, расскажете мне? А я ей передам.

Близнецы переглянулись. Отказывать мудрому и ученому Кристоферу было неловко. И потом, волшебники наверняка знают разные способы выведать чужие мысли.

– Это из-за мамы, – объяснила Виктория. – Мы хотели узнать, не против ли Мальвина превратить ее.

Профессор многое разузнал про Мальвину, и теперь у него сразу мелькнула мысль, что именно этим она всегда и занималась – превращениями людей. Но откуда об этом известно близнецам Арлингтон? И зачем им понадобилось превращать родную мать? И главное, во что? Если вдуматься, это ведь суший кошмар! Профессор вдруг стал таким строгим, что если бы близнецы увидели выражение его лица, то от испуга не сумели бы ответить ему, но, к счастью, в сумеречном свете лица было не разглядеть.

– С чего вдруг вам вздумалось превращать свою мать? – спросил профессор, изменившийся тон встревожил близнецов.

– Это ради ее блага, – с запинкой ответила Виктория.

– Мы хотим, чтобы она не превратилась во что-нибудь, а только изменилась, – добавил Виктор.

– Внутри, – уточнила Виктория.

– Мы думали, Мальвина сумеет исправить ее, – заключил Виктор.

Час от часу не легче. До чего мы дойдем, если уже сейчас дети требуют, чтобы «исправили» их матерей! Атмосферу кабинета переполняло возмущение. Близнецы это почувствовали.

– Она сама хочет, – уверяла Виктория. – Хочет стать энергичной, подниматься ни свет ни заря и все успевать.

Профессор решительно настаивал на том, что хотел всего лишь пошутить. В просьбе детей не было ровным счетом ничего предосудительного. Профессору и самому не раз доводилось выслушивать доверительные признания обеих сторон: «Женщины лучше ее не найти, вот только бы энергии ей немножко! Ни малейшего чувства времени. Слишком уж беззаботна. И понятия не имеет, как проявлять требовательность». – Это мистер Арлингтон, за вином с орешками.

«Лень, и ничто иное. Да, она самая. По мнению друзей, у меня спокойный нрав, но на самом деле я просто уродилась лентяйкой. Но я стараюсь исправиться. Вы даже себе представить не можете, профессор Литлчерри, как я стараюсь!» – Это миссис Арлингтон, со смехом любуясь розами профессора.

И потом, это же нелепо – всерьез считать, будто Мальвина способна на превращения! Может, такое и было возможно в древности, когда человеческий мозг еще не эволюционировал. Внушение, гипноз, месмеризация, ускорение деятельности дремлющих клеток мозга под воздействием магнитных вибраций... Но когда это было! На дворе времена Георга V, а не короля Эрмона. В сущности, профессора занимал другой вопрос: как воспримет просьбу Мальвина? Конечно, попробует уклониться. Бедняжка. Но разве может здравомыслящий человек, профессор математики...

Никто не заметил, как появилась Мальвина. Близнецы не сводили глаз с мудрого и ученого Кристофера, а профессор, впадая в задумчивость, ничего вокруг не замечал, но от неожиданности все вздрогнули.

– Нам не должно менять то, что сотворено благим Господом, – сказала Мальвина серьезным, почти мрачным тоном. От ее ребячества не осталось и следа.

– Когда-то вы придерживались иного мнения, – напомнил профессор, раздосадованный тем, что все надежды на удачу развеялись с первыми звуками голоса Мальвины. Это она умела.

Легким жестом она дала профессору понять, что его замечание идет вразрез с хорошим вкусом.

– Я знаю, что говорю, – заметила Мальвина.

– Прошу прощения, – сказал профессор, – мне следовало промолчать.

Мальвина с поклоном приняла его извинение.

– И все-таки это особый случай, – добавил он.

У профессора появился совсем другой интерес. Легко призывать на помощь Рассудительность, когда рядом нет Мальвины, но добрая госпожа имела привычку ускользать под взглядом Мальвининых удивительных глаз. Конечно, даже надеяться на это нелепо, но вдруг что-то да получится? Неужто не оправдан такой психологический эксперимент? С чего вообще начиналась наука, если не с практических проявлений любопытства? Возможно, Мальвина сумеет и захочет дать объяснения – то есть, конечно, если что-нибудь произойдет, – а если нет, тем лучше. И довольно об этом.

– В этом случае дар был бы использован не в корыстных целях, а ради помощи людям, – настаивал профессор.

– Видите ли, – подхватил Виктор, – мама на самом деле хочет измениться.

– И папа тоже, – уверяла Виктория.

– Если позволительно так выразиться, мне кажется, – добавил профессор, – что таким образом можно было бы получить прощение за... ну, за... безумства молодости.

Мальвина не сводила с него глаз. В неярко освещенной комнате с низким потолком только они одни, казалось, были на виду.

– Таково ваше желание?

Как впоследствии твердил себе профессор, с ее стороны было нечестно перекладывать всю ответственность на него. Если она и вправду та самая Мальвина, фрейлина королевы Гарбундии, тогда достаточно умудрена опытом, чтобы решать за себя: по подсчетам профессора, ей должно быть не меньше трех тысяч восьмисот лет. А ему нет и шестидесяти – по сравнению с ней он дитя! Но взгляд Мальвины требовал ответа.

– Во всяком случае, это не повредит, – наконец сказал профессор.

И Мальвина восприняла его слова как разрешение действовать.

– Приведите ее на закате к Крестным камням.

Профессор сам проводил близнецов до двери. По какой-то необъяснимой причине все трое шли на цыпочках. Мимо дома как раз проходил старый мистер Брент, почтальон; близнецы догнали его и взяли за руки. Профессор нашел Мальвину на том же месте, где оставил, и, как это ни глупо, испугался. Он ушел на кухню, к свету и жизни, и заговорил с миссис Малдун о гомруле, а когда вернулся в кабинет, Мальвины там уже не было.

Близнецы ничего не сказали дома, решили молчать и только утром попросить мать прогуляться с ними вечером. Они опасались, что она потребует объяснений, но, как ни странно, мать согласилась, не задавая вопросов. Близнецам показалось, что миссис Арлингтон сама свернула на тропу, ведущую мимо пещеры, а у Крестных камней присела и словно забыла, что с ней дети. Незаметно для нее они улизнули, но как быть дальше, не знали. Полмили до ближайшего леса они проделали бегом, некоторое время пробыли на опушке, не решаясь зайти дальше, а потом крадучись вернулись обратно и застали мать сидящей в той же позе, в какой оставили. Поначалу близнецы думали, что она уснула, но потом увидели, что ее глаза широко открыты, и вздохнули с облегчением, хотя чего опасались, и сами не знали. Дети присели по обе стороны от матери и взяли ее за руки, но, несмотря на то что ее глаза были открыты, прошло некото-

рое время, прежде чем она осознала, что близнецы вернулись. Наконец она встала, медленно огляделась, и как раз в этот момент в церкви пробило девять. Поначалу она решила, что ослышалась, но, бросив взгляд на часы, которые еще можно было разглядеть в сумерках, сразу рассвирепела – такой близнецы ее еще ни разу не видели. Вдобавок им обоим впервые в жизни надрали уши: девять вечера – время ужина, а им еще полчаса идти до дому, и это они, близнецы, во всем виноваты! Но получаса им не понадобилось, хватило и двадцати минут: миссис Арлингтон широкими шагами прокладывала путь, а запыхавшиеся близнецы едва поспевали за ней. Мистер Арлингтон еще не вернулся. Он появился через пять минут и услышал от миссис Арлингтон все, что она о нем думает. Ужин запомнился близнецам как самый короткий за всю их жизнь. В постели они лежали за десять минут до условленного времени. Из кухни слышался голос их матери: за молоком в кувшине недоглядели, и оно скисло. Еще до того как часы пробили десять, Джейн услышала, что через неделю может подыскивать себе новое место.

Профессор узнал новости от мистера Арлингтона. Задержаться даже на минуту мистер Арлингтон не мог – обед подавали ровно в двенадцать, а было уже без десяти, – но и промолчать не сумел. Начиная с четверга завтракали с шести утра; всем домочадцам полагалось выходить к завтраку полностью одетыми, место во главе стола занимала сама миссис Арлингтон. Если профессор не верит, пусть приходит утром в любой день и убедится. Но профессор охотно поверил мистеру Арлингтону на слово. К половине седьмого все брались каждый за свое дело, а миссис Арлингтон – за свое, то есть преимущественно следила, чтобы до конца дня ни у кого не было ни минуты свободной. Свет гасили в десять, к тому моменту все уже лежали в постели; большинство домочадцев только радовались возможности прилечь. «Все верно, надо держать нас в строгости», – вынес вердикт мистер Арлингтон (это было в субботу). Так и должно быть. Ну может, не всегда – в новом порядке есть свои минусы. Вести деятельную жизнь, а точнее, присматривать, чтобы ее вели все вокруг, и в то же время излучать доброжелательность невозможно. Особенно поначалу. Усердие начинающего не может не превосходить его благоразумие. Охлаждать этот пыл ни к чему. Внести коррективы можно и потом. Словом, мистер Арлингтон воспринимал происходящее почти как ответ на свои молитвы. Возводя очи горе, мистер Арлингтон вдруг заметил церковные часы и решил возобновить путь домой, не теряя времени. Оглянувшись, профессор увидел: там, где улица поворачивала к дому, мистер Арлингтон перешел с шага на трусцу.

Возможно, этим событием и ознаменовался конец профессора как здравомыслящего и разумного представителя современного общества. Только теперь до него дошло: уговаривая Мальвину воспользоваться своими способностями, чтобы воздействовать на злополучную миссис Арлингтон, он исходил из убеждения, что результат вернет ему душевное равновесие. Но ему и в голову не приходило, что Мальвина взмахнет своей палочкой – или как там был проделан этот фокус – и превратит доньне безнадежно ленивую и покладистую миссис Арлингтон в женскую разновидность Ллойд-Джорджа.

Забыв про обед, профессор долго и бесцельно блуждал по окрестностям и лишь ближе к вечеру вернулся домой. За ужином он вел себя беспокойно и нервно – «дергано», по выражению молоденькой служанки. Один раз он вскочил как ужаленный, стоило только служанке случайно уронить столовую ложку, и два раза опрокинул солонку. Как правило, именно во время трапез отношение профессора к Мальвине становилось особенно скептическим. В фею, способную умять солидный кусок вырезки и закусить его двумя порциями пирога, верилось с трудом. Но сегодня никаких сомнений у профессора не возникло. Дамы в белом никогда не гнушались гостеприимством простых смертных. Умение приспосабливаться было, видимо, свойственно им всегда. С той роковой ночи, когда ее отправили в изгнание, Мальвина наверняка набралась опыта. И теперь сочла необходимым принять облик юной девицы двадцатого века (от Рождества Христова). К этому облику естественным образом прилагалась способность ценить превосходную стряпню миссис Малдун и отменный некрепкий кларет.

Миссис Арлингтон не шла у профессора из головы. Несколько раз, украдкой посматривая через стол, он ловил на себе насмешливый взгляд Мальвины. Видно, его попутал какой-то проказливый бес. Тысячи лет Мальвина, насколько известно, вела примерную и безупречную жизнь, усмирив в себе и оставив в прошлом роковую страсть менять людей. Надо же было додуматься воскресить ее! И королевы Гарбундии нет рядом, некому даже приструнить Мальвину. Пока профессор чистил грушу, у него возникло отчетливое ощущение, что его превращают в морскую свинку, – ему показалось, что ноги стали заметно короче. Впечатление было настолько ярким, что профессор невольно вскочил и бросился осматривать себя в зеркале над буфетом. Но даже отражение его не успокоило. Может, виновато зеркало – старинное, в раме сплошь из позолоченных шариков, – в котором профессор будто бы увидел, как у него растет нос. Мальвина выразила надежду, что профессора не поразил внезапный недуг, и спросила, может ли что-нибудь сделать для него. В ответ он взмолился: пусть она даже не думает об этом.

Профессор научил Мальвину играть в криббедж, и обычно по вечерам они играли партию-другую. Но в тот вечер профессор был не в настроении и Мальвине пришлось довольствоваться чтением. Особенно любила она древние летописи. У профессора их накопилась целая полка, в том числе оригиналы на французском. Притворившись, будто и он читает, профессор вдруг услышал, как Мальвина жизнерадостно расхохоталась, подошел и заглянул ей через плечо. Это была история о том, как она обошлась с хозяином оловянных рудников – престарелым джентльменом, любителем ложиться рано, – превратила его в соловья. Профессору подумалось, что до случая с миссис Арлингтон упоминание давнего инцидента заставило бы Мальвину застыдиться и раскаяться, а теперь она, похоже, веселилась.

– Дурацкий фокус, – с жаром выпалил профессор. – Никто не имеет права так поступать с людьми. Создавать путаницу, в которой они не могут разобраться. Ровным счетом никакого права.

Мальвина подняла глаза и вздохнула.

– Ради собственного удовольствия или из мести – да, – ответила она кротким тоном, в котором слышались угрызения совести. – Конечно, это неправильно. Зато можно превратить их ради собственного же блага – даже не превратить, изменить к лучшему.

– Маленькая лицемерка! – пробормотал профессор себе под нос. – Она вновь пристрастилась к давним фокусом, и только Господу известно, когда она теперь уgomонится.

Остаток вечера профессор рылся в своей картотеке в поисках последних сведений о королеве Гарбундии.

Тем временем о происшествии в доме Арлингтонов узнала вся деревня. Видимо, близнецы не сумели сохранить тайну. Да и Джейн, которую рассчитали, рассказала миссис Малдун свою версию событий, случившихся в четверг вечером на кухне у Арлингтонов, и сама миссис Малдун, исполненная предчувствий, могла невольно обронить какой-нибудь намек.

Мэриголды узнали подробности, встретившись с Арлингтонами в воскресенье после утренней службы. Точнее, встретились они с мистером Арлингтоном и младшими детьми – к тому времени миссис Арлингтон с двумя старшими дочерьми уже успела посетить раннее богослужение, в семь. Миссис Мэриголд была обаятельной и миловидной дамочкой десятью годами моложе супруга. Кое-какой умишко у нее имелся, иначе она бы так ничего и не поняла. Подающему надежды политику Мэриголду следовало бы, конечно, выбрать супругу, способную помочь ему строить карьеру, но он влюбился в миссис Мэриголд, увидев ее по другую сторону монастырской стены в нескольких милях от Брюсселя. Мистер Арлингтон бывал в церкви не часто, но на этот раз решил, что он в долгу перед Творцом. В свою изменившуюся жену он по-прежнему был влюблен. Однако не слепо. Позднее ей могло понадобиться руководство. Но прежде следовало дать только что проросшим семенам пустить корни. Дела призывали Мэриголда в город воскресным вечером, часть пути до станции они с миссис Мэриголд проделали вместе. Возвращаясь через поля, она догнала близнецов Арлингтон. Потом, видимо, заглянула

в коттедж и разговорилась с миссис Малдун о Джейн, которая, как слышно, искала новое место. Незадолго до заката доктор видел, как она поднималась по тропе, ведущей к Уоррену. В тот вечер Мальвина к ужину не явилась. А когда вернулась, казалась довольна собой.

VI. И как все скоростижно завершилось

Спустя несколько дней, а может, и неделю – точная дата забылась – член парламента Мэриголд заглянул к профессору. Они обсудили таможенную реформу, потом Мэриголд встал, лично убедился, что дверь плотно прикрыта, и заговорил:

– Вы знаете мою жену. Мы женаты уже шесть лет, и все это время нашу жизнь не омрачало ничто, кроме одной тучки. Конечно, умом она не блещет. То есть по крайней мере...

Профессор подскочил.

– Послушайте моего совета, оставьте ее в покое. – Эти слова вырвались у него убежденно и пылко.

Мэриголд вскинул голову.

– Именно этого и я желал бы всей душой. Во всем виноват я один.

– Если мы готовы признавать собственные ошибки, – заметил профессор, – для нас еще не все потеряно. Отправляйтесь прямиком домой, молодой человек, и скажите ей, что передумали. Объясните, что она дорога вам, несмотря на отсутствие блестящего ума. Скажите, что без него она даже лучше. Заставьте ее поверить, пока еще не поздно.

– Я пытался, – признался Мэриголд. – Но она говорит, что я опоздал. Что на нее низошел свет и теперь уже ничего не поделаешь.

Пришла очередь профессора уставиться на него. О воскресных встречах он понятия не имел и безосновательно надеялся, что происшествие в доме Арлингтонов останется тайной, известной лишь ему самому да близнецам. Поэтому он старался думать о чем угодно, только не о случившемся.

– Она вступила в Фабианское общество⁵, – мрачно продолжал Мэриголд. – И ее определили работать в ясли. И в Общественно-политический союз женщин. Если пойдут слухи, к следующим выборам мне придется подыскивать себе другой округ. Вот так-то.

– Откуда вы про нее узнали? – спросил профессор.

– Ничего я про нее не знал, – отмахнулся Мэриголд. – Иначе не поехал бы в город. По-вашему, это правильно – поощрять... такие выходки?

– А кто ее поощряет? – возразил профессор. – Если бы некие глупцы не считали, что им позволено исправлять всех прочих, кроме себя, ничего подобного мы бы и не слыхивали! У Арлингтона была милая покладистая жена, а он, вместо того чтобы благодарить Бога да радоваться, извел ее придирами – мол, хозяйка из нее никудышная. Вот и получил настоящую хозяйку. В среду я встретил его, гляжу – а у него на лбу шишка размером с яйцо. Говорит, запнулся о коврик. Нет, не бывает так. Нельзя изменить в человеке лишь что-то одно, что тебе хочется, и этим ограничиться. Или уж оставьте его в покое, или меняйте на свой страх и риск, потому что каким он станет – неизвестно. На вашем месте благоразумный человек был бы только благодарен за жену, которая не сует нос в его дела и с которой незачем обсуждать мудреную политику. А вы, похоже, не уставали напоминать ей, как сгруппили, выбрав жену без мозгов. Вот у нее и появились мозги, и она пустила их в ход. Так почему бы ей не вступить в Фабианское общество и Общественно-политический союз женщин? Это явное свидетельство независимости натуры. Лучшее, что вы можете предпринять, – самому вступить туда же. Чтобы работать бок о бок с женой.

– Прошу прощения, – Мэриголд поднялся, – я не знал, что вы на ее стороне.

⁵ Политическая социал-реформистская организация английской интеллигенции; основана в Лондоне в 1884 г.

– С чего вдруг? – рявкнул профессор. – Я вообще в чрезвычайно нелепом положении.

– Наверное, – нерешительно начал Мэриголд, взявшись за дверную ручку, – все попытки увидеться с ней самому бесполезны?

– Кажется, ей нравится бывать у Крестных камней на закате, – сообщил профессор. – Выбор за вами, но я бы на вашем месте как следует подумал.

– Мне бы хотелось узнать, – продолжал Мэриголд, – если я лично попрошу ее об одолжении, не согласится ли она вновь встретиться с Эдит и убедить ее, что это была просто шутка?

Профессор начинал понимать, в чем дело.

– Так что же произошло, как вы думаете? – спросил он.

– Я полагаю, что ваша иностранная гостя встретила с моей женой, они разговорились о политике, а результат нам уже известен. Ее дар убеждения поразителен, но потеря одной новообращенной вряд ли много значит, тем более что я мог бы возместить эту потерю... иным образом. – Сам того не замечая, он заговорил воодушевленно и страстно. Это растрогало профессора.

– Видимо, это означает, – подытожил он, – что при условии согласия всех сторон миссис Мэриголд станет совершенно такой, как прежде, и навсегда забудет свой интерес к политике.

– И я был бы весьма признателен за это, – добавил Мэриголд.

Очки профессора куда-то запропастились, но ему показалось, что в глазах Мэриголда блеснули слезы.

– Я сделаю что смогу. Только не спешите радоваться. Возможно, заставить женщину мыслить проще, чем остановить, даже для... – Профессор вовремя спохватился. – Я поговорю с ней.

Мэриголд пожал ему руку и ушел.

Визит оказался более чем своевременным. Масштабы деятельности Мальвины за эти несколько недель в середине лета, до возвращения командера Раффлтона, вряд ли когда-нибудь удастся установить. По мнению доктора, слухи о ней чудовищно раздуты. Кое-кто утверждал, будто бы полдеревни разобрали на части, преобразили, исправили, а затем отправили по домам в таком душевном состоянии, что их не узнали родные матери. Доподлинно известно, что академик Доусон, которого все, кроме жены, обычно называли милейшим коротышкой, чей единственный изъян, пожалуй, неизлечимая привычка каламбурировать, причем чаще невпопад, однажды утром вдруг расколошматил о голову миссис Доусон интерьер работы голландского мастера, размерами пятнадцать на девять дюймов. С интерьером, болтающимся на шее, его супруга поразительно напоминала библейские изображения головы Иоанна Крестителя, и, чтобы избавить ее от этого украшения, раму пришлось распилить. Что же касается истории о том, как тетушка миссис Доусон застучала академика целующим горничную за бочкой для сбора дождевой воды, то это, по мнению доктора, чистейшее невезение, какое может случиться с каждым. А вот вопрос о том, причастен ли он к необъяснимому опозданию Долли Калторп на последний поезд, – совсем другое дело. До всех этих событий миссис Доусон, хорошенькая обладательница пылкого темперамента, была вправе считать, что Доусон испослан ей в наказание, хотя и тут возникает резонный вопрос: зачем вообще было выходить за него замуж? Но по мнению миссис Доусон, есть разница между мужем, в котором от природы недостаточно мужского, и мужем, в котором мужского слишком много. Усмирить подобные наклонности непросто.

Если руководствоваться самыми приблизительными предположениями, по мнению доктора, насчитывалось с полдюжины жителей округа, с помощью Мальвины пришедших в состояние временного помешательства. Когда же слегка разочарованная Мальвина, признавая, однако, правоту мудрого и ученого Кристофера, согласилась сделать их «прежними», случившееся получило следующее объяснение: растратив все запасы доставшейся им несправедливым путем энергии, пострадавшие были только рады вернуться к своим былым «я».

Миссис Арлингтон не согласна с доктором. Она сама давно старалась измениться, но всякий раз терпела жестокое фиаско. Но в воздухе тогда витало нечто, чуть ли не благоухание, которое побудило ее тем вечером довериться близнецам, – что-то подсказало ей, что они способны оказать помощь. Эти ощущения не покидали ее и весь следующий день, а когда близнецы вечером вернулись в обществе почтальона, миссис Арлингтон догадалась, что они ушли по делу, касающемуся ее. Те же интуитивные стремления повлекли ее в сторону Даунса. Она ничуть не сомневается, что направилась бы прогуляться к Крестным камням, даже если бы близнецы не заговорили об этом. Да, по ее словам, она даже не замечала, что близнецы сопровождают ее. Возле камней ощущалось чье-то присутствие. Приблизившись к ним, миссис Арлингтон поняла, что прибыла в условленное место, а когда перед ней возникла откуда-то – откуда, она так и не поняла – хрупкая фигурка, точно окутанная угасающим светом, миссис Арлингтон отчетливо запомнилось, что она не удивилась и не испугалась. Обладательница хрупкой фигурки села рядом и взяла миссис Арлингтон за обе руки. Потом заговорила на незнакомом языке, который миссис Арлингтон в то время понимала, а теперь это понимание улетучилось. Миссис Арлингтон показалось, будто ее лишили тела. Ей почудилось, что она падает, и это падение вызвало отчаянное желание вновь взлететь. Миниатюрная незнакомка помогала ей, содействовала ее усилиям. Время растянулось на целые столетия. Миссис Арлингтон боролась с неведомыми силами и вдруг вырвалась от них. Миниатюрная незнакомка поддерживала ее. Крепко держась за руки, они поднимались все выше и выше. Миссис Арлингтон была твердо убеждена: если она не станет стремиться ввысь, ее настигнут и вновь утянут вниз. Когда она опомнилась, оказалось, что миниатюрной незнакомки рядом нет, но ощущения сохранились – страстное стремление к непрестанной борьбе, деятельности, соперничеству теперь были целью ее существования. Поначалу она никак не могла вспомнить, где находится. Свет вокруг был странным, бесцветным, непривычные звуки напоминали пение множества птиц. Потом часы пробили девять, и жизнь захлестнула ее. Но не унесла убежденность миссис Арлингтон, что она должна взять в руки и себя, и всех вокруг и неустанно следить, чтобы работа выполнялась должным образом. Как уже упоминалось, первые проявления этой убежденности испытали на себе близнецы.

Когда же после разговора с профессором при содействии и подстрекательстве мистера Арлингтона и старшей дочери супругов миссис Арлингтон согласилась еще раз прогуляться к камням, по заросшей травой тропинке она поднималась, испытывая совсем иные ощущения. Как и прежде, ее встретила миниатюрная незнакомка, только теперь ее необычные глубокие глаза смотрели печально, и миссис Арлингтон показалось, будто бы она явилась на собственные похороны. Миниатюрная незнакомка снова взяла ее за руки и заставила пережить ужас падения. Но на этот раз падение закончилось не борьбой и усилиями, а перешло в сон, и когда миссис Арлингтон открыла глаза, рядом вновь никого не было. Ежась от озноба и необъяснимой усталости, она медленно добрела до дома, и так как не была голодна, легла в постель, не дождавшись ужина. Даже самой себе она не смогла бы объяснить, почему плакала, пока не уснула.

По-видимому, нечто подобное произошло и с остальными – за исключением миссис Мэриголд. Как нехотя признает доктор, именно случай миссис Мэриголд убедительнее прочих рушит его гипотезу. Явившись из небытия, миссис Мэриголд развернула бурную деятельность, которая доставляла ей несомненное удовольствие. Она перестала носить обручальное кольцо как пережиток варварских времен, когда женщины были всего-навсего товаром и рабынями, и произнесла на собрании свою первую речь в защиту брачной реформы. В ее случае пришлось прибегнуть к ухищрениям. Мальвина в слезах согласилась, и члену парламента Мэриголду оставалось лишь привести в тот же вечер миссис Мэриголд к Крестным камням и оставить там, объяснив, что Мальвина не прочь снова повидаться с ней – «и просто поболтать».

Все завершилось бы успешно, если бы командер Раффлтон не возник в обрамлении дверей гостиной как раз в тот момент, когда Мальвина уже уходила. Командеру написал его кузен Кристофер, особенно настоятельно – после случая с Арлингтонами, и с тех пор Кристоферу несколько раз уже казалось, что он слышит шум пропеллера, однако он неизменно убеждался, что ослышался. Кузен Кристофер объяснял Мальвине его отсутствие «государственными делами», и Мальвина, зная, насколько занятыми людьми были во все века рыцари и воины, одобрительно воспринимала его объяснения.

Командер Раффлтон застыл, держа в руке шлем.

– Только сегодня днем прибыл из Франции, – объяснил он. – Нет ни минуты свободной.

Однако он все-таки выкроил время, чтобы направиться прямо к Мальвине. Рассмеявшись, он схватил ее в объятия и крепко поцеловал в губы.

Целуя ее в прошлый раз в саду, на глазах у профессора, Раффлтон заметил, что Мальвина осталась бесстрастной, только необычная улыбка порхала по ее губам. А теперь случилось странное: дрожь прошла по ее телу, она покачнулась и затрепетала. Профессор испугался, что она лишится чувств, а Мальвина, словно пытаясь удержаться на ногах, обвила обеими руками шею командера Раффлтона, издала странный негромкий возглас – профессору он показался похожим на ночной вскрик гибнущего лесного существа, – прижалась к Раффлтону и всхлинула.

Бой часов напомнил профессору о назначенной встрече с миссис Мэриголд.

– Времени у вас в обрез, – предупредил он, бережно пытаясь разжать руки Мальвины. – Обещаю вам: я задержу его до вашего возвращения.

Мальвина не поняла, о чем речь, и профессор напомнил ей.

Она не сдвинулась с места, только сделала жест, словно пыталась схватить что-то незримое. Затем уронила руки и перевела взгляд с командера на профессора. Лишь потом профессор вспомнил, что в тот момент исчезла ее таинственная отчужденность, она уже не казалась существом не от мира сего. Ничего необычного в ее присутствии больше никто не чувствовал.

– Мне очень жаль, – заговорила Мальвина. – Но уже поздно. Я всего лишь женщина.

И миссис Мэриголд мыслит до сих пор.

Пролог

А далее следует пролог. Конечно, ему полагалось бы предшествовать всему вышеизложенному, однако все подробности этого пролога стали известны лишь позднее, когда все закончилось. О них рассказал командеру Раффлтону его товарищ, француз, который в мирное время был художником, вращался в соответствующих кругах, особенно среди тех, кто ищет вдохновения на просторах и в овеванных дыханием легенд долинах древней Бретани. Позднее командер повторил его рассказ профессору, а тот просил лишь об одном: хотя бы некоторое время ничего не говорить доктору. Ибо доктор увидит в рассказе подтверждение своим ограниченным, скованным здравым смыслом теориям, тогда как профессора этот рассказ всецело убедил в абсолютной правоте его предположений.

Все началось в 1889 году (от Рождества Христова), в один особенно ненастный вечер в конце февраля – «в ночь зимней бури», как ее назвал бы автор типичного романа. Местом действия стал уединенный дом мадам Лавинь, стоявший на краю пустошей, которые окружали вымирающую деревушку Аван-а-Крист. Мадам Лавинь вязала чулок, ибо вязанием зарабатывала себе на хлеб, как вдруг услышала, что кто-то прошел мимо дома и постучал в дверь. Мадам не поверила своим ушам: откуда здесь взятсь прохожему в такой час и среди бездорожья? Но через несколько минут стук повторился, и мадам Лавинь со свечой в руках отправилась посмотреть, кто пришел. Едва она отперла дверь, порыв ветра погасил свечу, поэтому мадам Лавинь никого не увидела. Она позвала, но ответа не дождалась. Уже собираясь запе-

реть дверь, она вдруг услышала негромкий звук. Но не плач. Похоже, кто-то невидимый еле слышным голосом произнес слова, которых мадам не поняла.

Мадам Лавинь перекрестилась, пробормотала молитву, а потом снова услышала тот же звук. Он исходил откуда-то снизу, и она, пошарив руками и ожидая найти бродячую кошку, нащупала большой сверток – мягкий, теплый, но, конечно, сыроватый. Мадам Лавинь внесла его в дом, заперла дверь, снова зажгла свечу и положила сверток на стол. И увидела в нем крошечного младенца.

Подобные ситуации всегда затруднительны. Мадам Лавинь поступила так же, как сделали бы на ее месте большинство людей: развернула сверток, с малышом на коленях села перед неярким огнем очага, топившегося торфом, и задумалась. Ребенок согрелся и был явно доволен, и мадам Лавинь подумала, что стоило бы раздеть его и положить на кровать, а потом снова заняться вязанием. Утром она обратится к отцу Жану и последует его совету. Таких тонких тканей, в которые был одет младенец, она в жизни не видывала. Снимая с него вещицы одну за другой, она нежно проводила по ним кончиками пальцев, а когда наконец сняла последнюю и ее взгляду предстало маленькое белое существо, мадам Лавинь вскрикнула, вскочила и чуть не уронила младенца в огонь. Ибо она увидела метку, по которой каждый бретонский крестьянин мог определить, что перед ним не человеческое дитя, а фея.

Мадам Лавинь прекрасно понимала, что ей следовало бы распахнуть дверь и швырнуть младенца в темноту. Так поступили бы большинство женщин ее деревни, а потом провели в молитве на коленях остаток ночи. Но тот, кто выбрал ее дом, не прогадал. К мадам Лавинь вернулись воспоминания о милом муже и трех рослых сыновьях, которых одного за другим отняло у нее завистливое море, и она решила: будь что будет, но избавиться от ребенка она не в силах. Ребенок, несомненно, почувствовал ее настроение, потому что понимающе улыбнулся, протянул ручонки и коснулся смуглой морщинистой кожи мадам Лавинь, напомнив ее сердцу, как давно оно не билось от волнения.

Отец Жан – по всей видимости, мягкосердечный, терпимый и мудрый человек – не усмотрел в случившемся ничего дурного. Конечно, если мадам Лавинь может позволить себе такую роскошь, как воспитание младенца. Возможно, это принесет опекунке удачу. И в самом деле, куры мадам стали нестись чаще прежнего, а огороδικ на отвоеванном ею у пустоши клочке земли реже зарастал сорняками.

Разумеется, известие быстро разнеслось по округе. Возможно, мадам Лавинь и заважничала, но и соседи не желали водить с ней дружбу, неодобрительно качали головами, и ребенок рос один, без друзей. К счастью, дом мадам стоял на отшибе, а рядом, на огромных пустошах, с избытком хватало укромных уголков. Единственным товарищем малышки стал отец Жан. Отправляясь навестить свою паству, рассеянную по обширной территории прихода, он брал девочку с собой, а приближаясь к очередной уединенной ферме, оставлял маленькую спутницу прятаться среди утесника и папоротника.

Он понял, что все попытки церкви вытравить суеверия в этой окруженной морем и пустошами деревушке напрасны. Пришлось предоставить эту задачу времени. Возможно, позднее удастся поместить девочку в какой-нибудь монастырь, где она забудет раннее детство и вырастет доброй католичкой. А пока следует сжалиться над бедной одинокой малюткой. Может, так будет лучше не только для нее – отцу Жану эта ласковая и милая девочка казалась не по годам разумной. Устроившись в тени деревьев или где-нибудь в хлеву, по соседству с коровами, влажно поглядывавшими на них, отец Жан обучал девочку тому немногому, что знал сам. И она то и дело поражала его догадливостью, удивительными, совсем не детскими замечаниями. Казалось, многие знания о мире она усвоила давным-давно. Украдкой бросив на нее взгляд из-под кустистых бровей, отец Жан умолкал. Примечательно было и то, что дикие обитатели полей и лесов не боялись девочку. Временами, возвращаясь к убежищу, где он оставил девочку, отец Жан замедлял шаг, гадая, с кем она разговаривает, и вскоре слышал уда-

ляющийся топот маленьких ног, торопливый трепет крыльев. От повадок, присущих эльфам, излечить его маленькую подопечную так и не удалось. Возвращаясь после какого-нибудь позднего визита милосердия с фонарем в одной руке и крепким дубовым посохом – в другой, добрый священник нередко останавливался, заслышав блуждающий голос. Он неизменно звучал настолько далеко, что слов было не разобрать; сам голос казался отцу Жану незнакомым, но он знал, что никому другому он не может принадлежать. Мадам Лавинь пожимала плечами: что она могла поделать? Не ее дело препятствовать «чаду», даже если бы его могли удержать двери и засовы. Отец Жан наконец сдался. Запреты и нотации были не по душе и ему. Возможно, сердце бездетного священника было опутано паутиной лукавой нежности и в то же время сковано безотчетной боязнью. Пожалуй, девочку стоило чем-нибудь отвлечь, поскольку мадам Лавинь не поручала ей никакой работы, кроме самой легкой. И он научил ее читать. Девочка выучилась так быстро, что отцу Жану показалось, будто бы раньше она только делала вид, что не умеет. Наградой ему стала возможность с радостью наблюдать, как она глотает книги, предпочтительно томики старомодных исторических и любовных романов, которые он привозил ей из редких поездок в далекий город.

Когда ей было тринадцать, из Парижа приехали дамы и господа. Конечно, не настоящая знать, просто компания художников, ищущих новые ландшафты. Побережье и дощатые домики на узких улочках они уже «писали», потом кто-то предложил разведать почти безлюдные земли, удаленные от побережья. На воспитанницу отца Жана они наткнулись, когда она сидела на древнем сером камне, читая столь же древнюю с виду книгу. Она встала и сделала реверанс. Никакого страха она не чувствовала – она его внушала. Ей часто случалось с легкой грустью глядеть вслед убегающим от нее детям. Но что же делать? Ведь она фея. Причинять им вред она не собиралась, но не рассчитывала, что ее поймут. Однако для разнообразия приятно было встретить людей, которые не визжали, не шептали молитвы, а улыбались в ответ на улыбку. У нее спросили, где она живет, и она показала им. Художники решили задержаться в Аван-а-Крист, одна из дам осмелилась даже поцеловать маленькую селянку. Смеясь и болтая, они все вместе спустились с холма. Мадам Лавинь они застали за работой в саду. Всякую ответственность с себя она сразу сняла: пусть решает сама Сюзанна. Ее хотели нарисовать сидящей на сером камне, там, где впервые увидели. Из чистой любезности следовало согласиться, поэтому на следующее утро она ждала художников на том же месте. Ей дали пять франков. Мадам Лавинь сомневалась, что монета настоящая, но отец Жан заверил, что это подлинные деньги Республики, и с тех пор черный чулок, который мадам Лавинь на ночь подвешивала в дымоход, стал тяжелеть с каждым днем.

Дама, поцеловавшая маленькую натурщицу, первой узнала, кто она такая. Правда, все они с самого начала угадали в ней фею и поняли, что Сюзанна не настоящее ее имя. Настоящее нашлось в «Гептамероне брата Бонне, в котором повествуется о бесчисленных приключениях доблестного и могущественного короля Бретани Риенци», который один из художников нашел на Кэ-о-Флер и прихватил с собой. Там говорилось и о дамах в белом, было приведено и ее описание. Все сошлось: прекрасное тело, подобное иве на ветру; белые ступни, способные пройти по траве, не стряхнув с нее росу; голубые и глубокие, как горные озера, глаза; локоны, золоту которых позавидовало бы солнце.

Все было ясно: она Мальвина, бывшая фаворитка повелительницы бретонских дам в белом, Гарбундии. Скитания Мальвины начались по причинам, о которых из вежливости умалчивалось, ее дальнейшая судьба неизвестна. И вот по какому-то прихотливому стечению обстоятельств она вновь возникла в виде маленькой бретонской крестьянки неподалеку от мест своей былой славы. Художники преклонили перед ней колена, выразив почтение, все дамы поцеловали ее. Мужчины рассчитывали, что затем придет их очередь, однако ошиблись. Следует признать, что препятствием для них стала отнюдь не собственная робость. Юную королеву, отправленную в изгнание и никому не известную в чужих краях, вдруг узнали случайно

проходившие мимо несколько подданных. И вместо того чтобы хохотать и веселиться, как прежде, они вдруг застыли с непокрытыми головами, и никто не решался заговорить первым.

Она попыталась развеять их скованность благосклонным жестом. И заодно объяснила, что хотела бы сохранить инкогнито. Отпущенные восвояси, они вернулись в деревню маленькой, на удивление тихой группой, испытывая те же ощущения, которые возникают у простолюдинов, соприкоснувшихся с высшим обществом.

На следующий год они вернулись, по крайней мере некоторые, и привезли с собой платье, более достойное Мальвины. В Париже удалось разыскать лишь подобие наряда, описанного добрым братом Бонне, того, что был соткан за одну ночь из лунного света пауком-кудесником Караем. Мальвина благодарно приняла его, явно довольная возможностью вновь одеться как подобает. Платье было спрятано для торжественных случаев в тайнике, о котором знала только Мальвина. Но дама, которая поцеловала ее первой, рисовала фей, поэтому попросила Мальвину позировать ей в этом платье и получила согласие. Написанный портрет и сейчас можно увидеть в Бретонском зале Дворца изящных искусств в Нанте. На нем прямая как стрела одинокая фигурка изображена посреди голой, без единого дерева пустоши. Говорят, что наряд выписан с особым мастерством. Картина названа «Мальвина Бретонская» и датирована 1913 годом.

А в следующем году Мальвина исчезла. После того как мадам Лавинь, сложив узловатые руки, прочитала свою последнюю молитву Господню, отец Жан вновь начал настаивать на монастыре, но впервые за все время Мальвина решительно воспротивилась. В детскую голову запала какая-то блажь. Что-то явно связывало ее с обширными голыми пустошами, простирающимися на юг до холма, который венчал древний менгир короля Тарамиса. Как обычно, добродушный старик сдался. На некоторое время хватило скромных сбережений мадам Лавинь. Потребности Сюзанны были невелики. О необходимых, хоть и редких покупках отец Жан заботился сам. Зимой он собирался вновь заговорить о монастыре и на этот раз проявить твердость. А пока стояли летние ночи, в которые Сюзанне так нравилось бродить по пустошам. Остерегаться ей было нечего: на десять лье в округе не нашлось бы парня, который не делал крюк длиной в милю даже в разгар дня, лишь бы не проходить мимо домика, стоящего у начала пологого спуска пустоши к побережью моря.

Но, видно, даже феям порой бывает одиноко. Особенно феям-изгнанницам, болтающимся между небом и землей, знающим, что за смертными девушками ухаживают, что их целуют, а им, феям, такие радости недоступны. Может, ей вдруг подумалось, что после стольких лет ее могут простить. Ведь совсем рядом – место встреч ее родни: как гласит легенда, там феи и собираются ночами среди лета. В нынешние времена человеку не часто удастся даже мельком увидеть сияющие одеяния, но раньше среди пустоши, на холмах, редкие смельчаки порой могли услышать музыку госпожи источника и шорох ног танцующих. Может быть, если поискать их и позвать тихонько, они явятся ей, дадут ей место в кругу? Не трудно предположить, что платье из лунного света обнадеживало ее. Общеизвестна точка зрения, согласно которой хорошая одежда придает уверенности в себе.

Но ничего не выйдет, если все они исчезли, стали женщинами, после того как их трижды поцеловали в губы смертные мужчины. К такому повороту событий должна быть готова любая дама в белом. Конечно, если согласится. А если нет, дерзкому смертному можно лишь посочувствовать. Но если он завоюет ее благосклонность! Свою смелость он уже доказал. А если он к тому же еще и хорош собой, тверд в своих намерениях, добр и его глаза так и манят? Истории известны примеры подобных мечтаний даже у дам в белом. Пожалуй, особенно летними ночами, в полнолуние. Как раз в такую ночь сэр Герилон разбудил поцелуем Сигиль, сестру Мальвины. Настоящая дама в белом без боязни встречает свою судьбу.

По-видимому, то же самое случилось и с Мальвиной. Отцу Жану рассказывали, что ее избранник прибыл в колеснице, запряженной крылатыми конями, грохотом копыт перебудив

все деревни округи. Другие уверяли, что он явился в облике гигантской птицы. Отец Жан сам слышал странные звуки, а исчезновение Сюзанны было несомненным.

Несколько недель спустя отец Жан услышал еще одну версию событий – от английского офицера инженерного корпуса, который, добираясь от ближайшей станции на велосипеде, перегрелся и изнывал от жажды. Отец Жан поверил ему – при условии, что ему при первой же возможности дадут увидеться с Сюзанной. Но почти вся его паства сочла услышанное бессмыслицей, рассказанной лишь с целью прикрытия истины.

На этом заканчивается моя история, собранная воедино из крайне противоречивых сведений. Какие бы выводы вы из нее ни сделали: приняли объяснения доктора медицины или согласились с доктором права, членом Королевского общества профессором Литлчерри в том, что мир еще не весь изучен и нанесен на карты, – факт остается фактом: Мальвина Бретонская ушла из жизни. Молодая миссис Раффлтон, сердце которой бьется от глухих и далеких звуков, долетающих из Суссекса, с холмов Даунс, а вид посыльных с телеграфа внушает тревогу, уже извела немало неудобств, связанных с ее новым положением женщины. Но, заглянув в ее удивительные глубокие глаза, всякий согласится, что в своей жизни она не стала бы менять ничего, даже если бы могла.

Улица вдоль глухой стены

С Эджуэр-роуд я повернул на улицу, ведущую на запад, – ее атмосфера чем-то привлекла меня. Здесь дома скромно и тихо стояли в глубине садилов. Ничем не примечательные названия были нанесены на белых столбах ворот. Угасающего дневного света как раз хватало, чтобы прочесть их – «Вилла “Ракитник”», «Кедры». И трехэтажный «Кернгорм» с пристроенной сверху чудной башенкой под конической крышей, похожей на ведьмину шляпу. Впечатление усилилось, когда в двух окнах под самым парапетом вдруг вспыхнул свет и они приобрели сходство с парой злобных глаз.

Улица повернула направо и вывела на открытое пространство, через которое проходил канал под низким арочным мостом. Поблизости виднелись все те же тихие дома в глубине садилов, и я некоторое время смотрел, как фонарщик, зажигающий фонари, высвечивает берег канала, который чуть выше моста превращался в озеро с островком посередине. После этого я, видно, обошел круг, так как позднее обнаружил, что вновь стою на том же месте, хотя по пути не встретил и десяти человек. Наконец я стал искать обратную дорогу до Паддингтона.

Мне казалось, я иду в ту сторону, откуда пришел, но, наверное, тусклый свет обманул меня. Впрочем, это не имело значения. Они скрывали тайну, эти безмолвные улочки с приглушенными шагами за плотно задернутыми шторами и шепотом за хлипкими стенами. Порой смех вырывался из окон и так же быстро умолкал, один раз я внезапно услышал детский плач.

На этой короткой улице стоящие попарно дома с одной общей стеной были обращены к высокой глухой стене, и я, проходя мимо, заметил, как в одном из окон приподнялись жалюзи, а за ними показалось женское лицо. Газовый фонарь, единственный на всей улице, стоял почти точно напротив окна. Поначалу лицо показалось мне девичьим, но, присмотревшись, я понял, что оно может принадлежать и пожилой женщине. Определить истинный возраст этого лица было невозможно: в холодном, голубоватом свете газа оно казалось бесцветным.

Удивительнее всего на этом лице были глаза. Может, потому, что только они отражали свет, они выглядели неестественно огромными и сияющими. А может, в остальном лице было настолько маленьким и тонким, что по сравнению с его чертами глаза смотрелись непропорционально большими. Наверное, меня заметили, потому что жалюзи опустились, и я прошел мимо.

По неизвестной причине это событие запомнилось мне: внезапный подъем жалюзи, словно подъем занавеса в маленьком театре, показавшаяся на заднем плане скудно обставленная комната и женщина, которую я видел будто освещенной огнями рамп. И столь же внезапное падение занавеса еще до начала спектакля. На углу улицы я обернулся: жалюзи вновь поднялись, и я увидел тонкий девичий силуэт на фоне боковых окон эркера.

В тот же миг меня чуть не сбил с ног какой-то человек. Он был не виноват: я остановился слишком резко, не дав ему возможности обойти меня. Мы оба извинились, браня темноту. Может, мне померещилось, но незнакомец, вместо того чтобы пойти своей дорогой, повернулся и последовал за мной. На следующем углу я круто обернулся, но не заметил ни тени преследователя, а спустя некоторое время наконец добрался до Эджуэр-роуд.

Раз или два в минуты праздности я искал ту улицу, но тщетно, и вскоре подробности той прогулки изгладились бы из моей памяти, но однажды вечером, направляясь в сторону дома от Паддингтона, на Хэрроу-роуд я увидел ту самую женщину. Не узнать ее было невозможно. Она чуть не задела меня, выходя из рыбной лавки, и я опомнился, лишь когда обнаружил, что следую за ней. На этот раз я отмечал каждый поворот, и уже через пять минут мы вышли на ту самую улицу. Мне наверняка случалось сотни раз проходить в нескольких шагах от нее. На углу я отстал. Не заметив этого, женщина двинулась дальше, а у самого дома из тени за фонарем выступил незнакомец и присоединился к ней.

В тот вечер мне предстояло побывать на одной холостяцкой вечеринке, и после ужина, поскольку недавние события еще были свежи в памяти, я заговорил о них. Как завязался этот разговор, точно не помню, но кажется, мы перешли к нему от Метерлинка. Внезапный подъем жалюзи впечатался в мою память. Как будто я, по ошибке вломившись в пустой театр, мельком увидел эпизод тайной драмы. Потом разговор переменялся, а когда я уже собрался уходить, один из гостей спросил, в какую мне сторону. Я ответил, и, поскольку вечер выдался славный, этот гость предложил пройтись вместе. На тихой Харли-стрит он признался, что не просто хотел подольше побыть в моей компании.

– Любопытно, но как раз сегодня мне вдруг впервые за почти одиннадцать лет вспомнился один случай, – сказал он. – И тут вдруг вы с описанием лица незнакомки. Вот я и подумал, не о той ли женщине речь.

– Ее глаза – вот что меня поразило, – отозвался я.

– Вот и я помню главным образом ее глаза, – подхватил он. – Вы узнаете ту улицу, если вновь увидите ее?

Некоторое время наша прогулка продолжалась в молчании.

– Вы, наверное, удивитесь, – сказал я, – но мне не дает покоя мысль о том, что мое появление могло ей навредить. А о каком случае вспомнили вы?

– Вам совершенно не в чем себя винить, – заверил меня спутник. – Если это та самая женщина, я был ее адвокатом. Как она была одета?

Причин задавать подобный вопрос я не видел. Нельзя же, в самом деле, ожидать, что за одиннадцать лет она не сменила одежду.

– Я не заметил. Кажется, в какую-то блузку... – И вдруг я вспомнил: – А ведь и вправду было кое-что необычное, что-то похожее на бархатную ленту на шее, только слишком широкую.

– Так я и думал, – отозвался он. – Да, это наверняка она.

У Мэрилебон-роуд наши пути разошлись.

– Если можно, я хотел бы повидаться с вами завтра днем, – сказал мой спутник. – Мы могли бы прогуляться вместе.

Он зашел за мной в половине шестого. На ту улицу мы вышли к тому моменту, когда одинокий газовый фонарь уже был зажжен. Я указал своему спутнику тот дом, он подошел ближе и нашел номер.

– Все верно, – вернувшись ко мне, сказал он. – Сегодня утром я узнал, что шесть недель назад ее освободили досрочно.

Он взял меня под руку.

– Ждать бесполезно. Сегодня жалюзи не поднимут. А это умно – выбрать дом как раз напротив фонаря.

В тот вечер у него была назначена встреча, но потом он рассказал мне эту историю во всех подробностях – точнее, все, что тогда знал.

Это случилось в те времена, когда пригороды с домами в окружении садов только начали появляться. Одной из первых стала застраиваться Финчли-роуд. Строительные работы еще продолжались, одна из улиц, Лейлхем-Гарденс, состояла всего из полудюжины домов, из которых заселен был всего один. Улица находилась на безлюдной окраине пригорода, заканчивалась внезапно, сразу за ней начинались поля. От резко обрывающегося конца улицы шел довольно крутой спуск к пруду на опушке небольшого леса. Единственный заселенный дом занимали молодые супруги по фамилии Хэпурт.

Муж был привлекательным и учтивым молодым человеком, всегда гладко выбритым, неопределенных лет. Его жена казалась почти девочкой. В поведении мужа было что-то свидетельствующее о слабости характера. По крайней мере такое впечатление он произвел на

жилищного агента. Мистер Хэпуорт сегодня принимал решение, а завтра вдруг менял его. Агент по фамилии Джетсон уже почти отчаялся завершить с ним сделку. Наконец миссис Хэпуорт взялась за дело сама и выбрала дом на Лейлхем-Гарденс. Молодой Хэпуорт считал недостатком этого дома его уединенность. Ему приходилось часто уезжать на несколько дней, путешествовать с деловыми целями, и он боялся, что жене станет страшно, а потому был категорически против и перестал возражать лишь после негромкого разговора с супругой. Дом был маленький, симпатичный, причудливо отделанный; миссис Хэпуорт пленилась им. Вдобавок она напонила, что в отличие от всех других домов этот им по средствам. Если мистер Хэпуорт и приводил свои доводы, то цели они не достигли. Дом был продан на обычных условиях компании. Задаток оплатили чеком, который учли в надлежащем порядке, обеспечением дальнейших выплат служил сам дом. Адвокат компании, с согласия Хэпуорта, представлял обе стороны.

В дом Хэпуорты вселились в начале июня. Они меблировали только спальню и не держали служанку, лишь поденщица приходила к ним каждое утро и уходила в шесть вечера. Их ближайшим соседом стал Джетсон. Его жена и дочери навещали новых соседей, которые им понравились. Между одной из дочерей Джетсона, младшей, и миссис Хэпуорт даже завязалось нечто вроде дружбы. Супруг молодой хозяйки, мистер Хэпуорт, был неизменно обаятелен и старался расположить к себе гостей. Но им казалось, что непринужденно он себя не чувствует. Говорили – правда, уже потом, – что он производит впечатление человека, которого преследуют призраки.

Особенно памятным стал один случай. Было около десяти вечера. Джетсоны уже собирались уходить от Хэпуортов, как вдруг раздался отчетливый стук в дверь. Оказалось, это управляющий Джетсона, которому предстояло уехать утренняя поездкой, зашел уточнить некоторые распоряжения. Но на лице Хэпуорта отразился ужас, в этом невозможно было ошибиться. Он бросил в сторону жены почти отчаянный взгляд, и Джетсонам показалось – точнее, они говорили об этом, вспоминая случившееся позднее, – что в ее глазах мелькнуло презрение, в следующий миг вытесненное жалостью. Она встала и уже направилась к двери, когда мистер Хэпуорт остановил ее. И вот еще любопытная деталь: по словам управляющего, Хэпуорт не открыл дверь, а подошел к нему сзади. Видимо, он тихонько вышел через другую дверь и обошел дом.

Джетсонов озадачил этот случай, особенно невольная вспышка презрения в глазах миссис Хэпуорт. Прежде никто не сомневался в том, что она обожает своего мужа, – из них двоих влюбленной выглядела именно она. Ни друзей, ни знакомых, кроме Джетсонов, у них не было. Никто из соседей не утруждал себя визитами к ним, и, насколько известно, незнакомцев на Лейлхем-Гарденс не видели.

Пока не настал один вечер незадолго до Рождества.

Джетсон возвращался домой из конторы на Финчли-роуд. Весь день над городом висела мгла, которая к ночи укрыла землю белесым туманом. Свернув с Финчли-роуд, Джетсон заметил впереди какого-то человека в длинном желтом макинтоше и мягкой фетровой шляпе. Почему-то Джетсон принял его за моряка – вероятно, из-за жесткого и прочного макинтоша. На углу Лейлхем-Гарденс незнакомец бросил беглый взгляд на табличку, укрепленную на фонарном столбе, и Джетсон увидел его лицо. Очевидно, именно эту улицу он и разыскивал. Помня, что на ней живут только Хэпуорты, охваченный любопытством Джетсон помедлил на углу, наблюдая за незнакомцем. Свет горел лишь в окнах дома Хэпуортов. Подойдя к калитке, незнакомец зажег спичку, чтобы разглядеть номер дома. Видимо, ему нужен был именно этот дом, потому что он толкнул калитку и направился по дорожке к крыльцу.

Но, к удивлению Джетсона, незнакомец не стал стучать дверным молотком, а трижды коротко ударил в дверь тростью. Ему никто не ответил, и Джетсон, интерес которого к тому моменту возрос, перешел на другой угол, откуда было удобнее наблюдать. Дважды незнакомец

по три раза стучал в дверь, с каждым разом громче, и наконец, на третий раз, дверь открыли. Джетсон так и не разглядел, кто именно, – этот человек прятался за дверью.

Джетсон видел только стену коридора с парой старых абордажных сабель, скрещенных над картиной, – он помнил, что на ней изображена трехмачтовая шхуна. Как только дверь приоткрыли, незнакомец проскользнул в щель, и дверь закрылась за ним. Джетсон двинулся своей дорогой, но из любопытства бросил последний взгляд через плечо. В окнах дома было темно, хотя еще минуту назад Джетсон видел, что на нижнем этаже горит свет.

В дальнейшем оказалось, что эти подробности чрезвычайно важны, а тогда Джетсон не заметил в них ничего из ряда вон выходящего. Если никто из друзей или родственников не навещал супругов Хэпуорт уже полгода, это еще не значит, что к ним вообще никогда не будут приходить гости. Возможно, в тумане незнакомец не заметил на двери молоток и рассудил, что будет проще постучать тростью. Хэпуорты занимали главным образом комнаты в глубине дома, свет в гостиной вполне могли погасить из экономии. По пути к дому Джетсон пришел к выводу, что в увиденном нет ничего примечательного, и упомянул о нем семье мимоходом. Только один из слушателей придал его рассказу значение – младшая дочь Джетсона, в то время восемнадцатилетняя девушка. Она задала пару вопросов о незнакомце, а позже вечером ускользнула из дому и бросилась к Хэпуортам. И нашла их дом пустым. Так или иначе, никто не ответил на ее стук в дверь, за стенами дома царила жуткая тишина – как в передних, так и в задних комнатах.

Джетсон заглянул к соседям на следующее утро, заразившись от дочери беспокойством. Ему открыла сама миссис Хэпуорт. Давая показания на суде, Джетсон признался, что был шокирован ее видом. Опережая расспросы, миссис Хэпуорт сразу же объяснила, что получила скверные известия, из-за которых не спала всю ночь. Ее мужу пришлось срочно уехать в Америку, куда она последует за ним в ближайшее время. Она пообещала днем зайти к Джетсону в контору и договориться насчет продажи дома и мебели.

Джетсон счел ее рассказ достаточно убедительно объясняющим визит незнакомца, выразил сочувствие, пообещал помощь и направился в контору. Днем миссис Хэпуорт зашла к нему и отдала ключи, оставив себе второй комплект. Она пожелала, чтобы мебель выставили на аукцион, а дом продали первому, кто захочет купить его. Кроме того, она пообещала выкроить время для еще одной встречи перед отплытием, а если ничего не получится, то сообщить свой новый адрес письмом. Миссис Хэпуорт держалась спокойно и собранно. Ранее, днем, она зашла к Джетсону домой и попрощалась с его женой и дочерьми.

Возле конторы Джетсона она остановила кеб и в нем вернулась домой – собираться в путь. В следующий раз Джетсон увидел миссис Хэпуорт уже в суде: ее обвиняли как сообщницу убийцы мужа.

Труп нашли в пруду на расстоянии нескольких сотен ярдов от конца Лейлхем-Гарденс. На ближайшем к пруду участке строили дом, и один из рабочих, набирая в ведро воду, уронил свои часы. Вместе с товарищем они попытались вытащить их граблями, зацепили клочки какой-то ткани, которые выглядели подозрительно. Начались поиски в пруду. Если бы не эта случайность, труп могли не найти никогда.

Тело было обмотано цепью с несколькими висящими на ней утюгами и скрепленной замком; под тяжестью этого груза оно глубоко ушло в жидкий ил, где и могло пролежать, пока не истлело. Ценные золотые часы с репетиром – по словам Джетсона, память Хэпуорта об отце – лежали в кармане, кольцо с камеей, которое Хэпуорт носил на среднем пальце, тоже удалось отыскать среди ила. Очевидно, произошло «убийство под влиянием страстей». Обвинение предположило, что его совершил человек, который был любовником миссис Хэпуорт до ее замужества.

Факты, установленные следствием, резко контрастировали с почти одухотворенным прекрасным лицом женщины на скамье подсудимых и стали неожиданностью для всех присутствующих. Некогда подсудимая вместе с английской цирковой труппой гастролировала в Голландии, в семнадцать лет стала «танцовщицей и певицей» в сомнительном роттердамском кафешантане, который посещали в основном матросы. Оттуда ее забрал моряк, англичанин по имени Чарли Мартин, с которым она прожила несколько месяцев в меблированных комнатах над кабачком на другом берегу. Позднее пара уехала из Роттердама в Лондон, где поселилась в Попларе, неподалеку от доков.

В Попларе эта женщина и жила до тех пор, пока за десять месяцев до убийства не вышла замуж за Хэпуорта. Что стало с Мартином, неизвестно. Напрашивалось предположение, что он, растратив сбережения, занялся привычным делом, но его фамилии так и не удалось найти в списках экипажей судов.

Не было никаких сомнений в том, что именно за ним Джетсон наблюдал, стоя неподалеку от дома Хэпуортов. По описанию Джетсона, это был коренастый, видный мужчина с рыжеватой бородой и усами. Ранее в тот же день его видели в Хэмпстеде, где он обедал в маленькой кофейне на Хай-стрит. Официантке запомнился его дерзкий, пронзительный взгляд и курчавая борода. Между двумя и тремя часами посетителей в кофейне обычно бывало мало, поэтому девушка запомнила «обходительного джентльмена», который «не прочь пошутить». По его словам, в Англию он вернулся всего три дня назад и надеялся тем же вечером провести свою «душеньку». Тут он рассмеялся, и девушке показалось – хотя, возможно, лишь по прошествии времени, – что его лицо исказила злоба.

Видимо, этого визита и боялся Хэпуорт. Обвинители утверждали, что трехкратный стук в дверь был заранее условленным сигналом, на который должна была ответить женщина. Установить, был ли муж в этот момент дома или его ждали позднее, так и не удалось. Его убили выстрелом сзади в шею – гость явно прибыл подготовленным.

Труп обнаружили через десять дней после убийства, но выследить виновного так и не удалось. Почтальон видел его неподалеку от Лейлхем-Гарденс в половине десятого. В тумане они чуть не столкнулись, и, по словам почтальона, незнакомец поспешил отвернуться, пряча лицо.

Мягкая фетровая шляпа выглядела ничем не примечательно – в отличие от длинного жесткого желтого макинтоша. Лицо почтальон видел лишь мельком, но успел заметить, что оно гладко выбрито. Эти показания произвели в суде фурор, но лишь до того момента, как был вызван следующий свидетель. Поденщицу, которая приходила к Хэпуортам ежедневно, утром в день отъезда миссис Хэпуорт не пустили в дом. Миссис Хэпуорт встретила ее на пороге, отдала жалованье за неделю вместе с компенсацией за увольнение без предупреждения и объяснила, что ее услуги больше не понадобятся. Джетсон решил, что на обставленный дом быстрее найдутся покупатели, послал за той же поденщицей и велел ей как следует убраться в доме. Подметая ковер в столовой, она обнаружила в совке кучку коротких рыжих волосков. Перед тем как покинуть дом, гость побрился.

То, что он оставил при себе длинный желтый макинтош, еще ничего не значило: отслужившую свою одежду можно выбросить где угодно. С бородой дело обстояло сложнее. Известно каким путем, но скорее всего ночью или рано утром, убийца очутился в конторе Хэпуорта на Фенчерч-стрит. По-видимому, ключи ему дала миссис Хэпуорт.

Свою шляпу и макинтош убийца спрятал, ему пришлось взять одежду, принадлежащую убитому. Пожилой клерк Хэпуорта, Элленби – из тех людей, которых принято называть достойными, – привык к неожиданным отъездам хозяина конторы, занимавшегося поставками для судов. Хэпуорт всегда держал в конторе пальто и собранный саквояж. Не найдя ни того ни другого, Элленби сделал вывод, что Хэпуорт уехал ранним поездом. Элленби забеспокоился бы через несколько дней, если бы не получил телеграмму – по его мнению, от хозяина, – согласно

которой Хэпуорт в Ирландии, где пробудет еще несколько дней. Во всем этом не было ничего удивительного: Хэпуорту случалось отсутствовать и по две недели, наблюдая за отделкой судов, тем более что в конторе никому не требовались его особые распоряжения. Телеграмму отправили из Чаринг-Кросса, но в самое многолюдное время суток, и, естественно, отправителя никто не запомнил. Клерк Хэпуорта без колебаний опознал труп своего хозяина, к которому явно был привязан. О миссис Хэпуорт ему было нечего сказать. В ожидании суда им пришлось несколько раз встретиться по делам конторы, а прежде общаться не доводилось.

Сама подсудимая вела себя совершенно необъяснимым образом: если не считать произнесенной ею официальной формулы невинности, не делала никаких попыток защититься. Ее адвокатам по мере возможности содействовала не подсудимая, а клерк Хэпуорта, да и то скорее в память о покойном хозяине, а не из сочувствия к его жене. Миссис Хэпуорт сохраняла полнейшее равнодушие. Лишь однажды она на миг дала волю чувствам. Это случилось, когда адвокаты, уже начиная злиться, убеждали ее предоставить им хоть какие-нибудь факты, на которых они могли бы строить линию защиты.

– Он мертв! – чуть ли не торжествующе выкрикнула она. – Мертв! Мертв! Какая теперь разница?

Но уже в следующую минуту она извинилась за свою вспышку:

– Ничто уже не поможет. Будь что будет.

Своим удивительным равнодушием женщина настроила против себя и судью, и присяжных. Это бритье в гостиной, когда тело убитого хозяина еще не успело остыть! Вдобавок убийца пользовался безопасной бритвой Хэпуорта. Видимо, его жена сама принесла убийце бритву, зеркало, мыло, воду и полотенце, а потом постаралась замести следы. Но не заметила несколько рыжих волосков на ковре. А утюги, утянувшие труп на дно! Кто мог додуматься до такого, если не женщина? Мужчине никогда бы и в голову такое не пришло. И вдобавок цепь и замок, скрепивший ее. Только хозяйка могла знать, что в доме есть подобные вещи. Скорее всего обмен одеждой в конторе Хэпуорта тоже ее идея, и она же дала убийце ключ. Это она знала, что рядом с домом есть пруд, она придерживала дверь, пропуская в нее убийцу с его ужасным грузом, она ждала, прислушиваясь, когда раздастся всплеск.

Наверное, она собиралась бежать с убийцей в Америку! Отсюда и ее рассказ. Если бы беглецам повезло, этих объяснений хватило бы. Из Лейлхем-Гарденс миссис Хэпуорт переселилась в Кентиш-Таун, где сняла небольшой домик, назвавшись хористкой по фамилии Ховард, женой артиста, который в настоящий момент находится на гастролях. Для большей убедительности она получила роль в пантомиме. И при этом ни на миг не теряла головы. На новом месте ее никто не навещал, ей не присылали писем. Каждый час у нее был на счету. Видимо, все это сообщники продумали над телом убитого мужа. Миссис Хэпуорт признали виновной в «косвенном соучастии и укрывательстве преступника» и приговорили к пятнадцати годам каторги.

Все это случилось одиннадцать лет назад. Невольно заинтересовавшись, после суда мой приятель разузнал некоторые подробности. Расспросы в Ливерпуле помогли ему установить, что отец Хэпуорта, мелкий судовладелец, пользовался широкой известностью и уважением. От дел он отошел незадолго до смерти, года за три до убийства. Жена пережила его всего на несколько месяцев. Помимо убитого Майкла у супругов было еще двое детей: старший сын, пребывавший предположительно в одной из английских колоний, и дочь, вышедшая за француза, морского офицера. Об убийстве они либо не знали, либо не хотели огласки. Майкл служил архитектором и преуспевал, но после смерти родителей покинул прежние места и вплоть до суда никто из прежних знакомых ничего о нем не знал.

Еще один результат расспросов озадачил моего приятеля. Оказалось, клерк Элленби был доверенным лицом отца Хэпуорта! Элленби поступил к нему в контору еще мальчишкой, незадолго до смерти хозяина заменил его в конторе и при его содействии основал компанию, занимающуюся корабельными поставками! На суде эти факты так и не всплыли. Элленби не допра-

шивали – в этом не было необходимости, – но с учетом обстоятельств странным выглядело то, что он не вызвался дать показания сам. Возможно, конечно, что он выгораживал брата и сестру Хэпуорта – эта фамилия достаточно распространена на Севере, а возможно, не хотел втягивать в процесс других родственников убитого.

Что касается подсудимой, моему приятелю почти ничего не удалось разузнать, только выяснилось, что импресарио из роттердамского мюзик-холла она назвалась дочерью одного английского музыканта и добавила, что ее родители уже умерли. Не исключено, что она понятия не имела, в какое заведение устраивается, а обходительный красавец Чарли Мартин, вдобавок англичанин, выступил в роли спасителя.

Можно предположить, что она была без ума от Мартина, а Хэпуорт – от нее, так как ее красота могла вскружить голову любому; возможно, в отсутствие Мартина Хэпуорт обманул ее, сказав, что Мартина уже нет в живых и бог весть что еще, лишь бы уговорить ее выйти замуж. Тогда убийство оказывалось зловещим актом правосудия.

Но даже в этом случае ее равнодушное хладнокровие выглядело неестественно! Она вышла за Хэпуорта замуж, прожила с ним почти год. Джетсоны считали, что она влюблена в своего мужа. Невозможно так правдоподобно притворяться изо дня в день.

– Было что-то еще! – Мы обсуждали это дело у моего приятеля. Перед ним лежала папка с бумагами дела, собранными одиннадцать лет назад. Он вышагивал, сунув руки в карманы и рассуждал: – То, что так и не всплыло. Когда оглашали приговор, я наблюдал за ней, и при этом у меня появилось примечательное ощущение: казалось, ее не осудили – она восторжествовала! Лицедейство! Если бы на суде она притворялась, что раскаивается, пыталась вызвать жалость, лично я дал бы ей не больше пяти лет. А она, похоже, не могла скрыть безграничное физическое облегчение при мысли, что ее муж мертв, что больше никогда не прикоснется к ней. Должно быть, ей внезапно открылось нечто превратившее ее любовь в ненависть. В этом мужчине чувствуется благородство, – предположил мой приятель, стоя у окна и глядя на реку. – Она понесла наказание, расплатилась по счетам, а он-то до сих пор числится в розыске. И каждый вечер рискует головой, ожидая, когда поднимутся жалюзи.

Его мысли потекли по другому руслу:

– Но как он мог все эти десять лет преспокойно разгуливать на свободе, зная, что она не живет, а томится в аду? Почему во время процесса, когда свидетельства против нее с каждым днем становилось все больше и больше, он не явился с повинной – пусть даже просто для того, чтобы побыть рядом с ней? Почему не отправился на виселицу хотя бы из порядочности?

Он сел и взял папку.

– Или же такой награды потребовала она? Чтобы он ждал, а она жила надеждой, что ее страдания не напрасны? Да, – продолжил он, подумав, – не трудно представить себе мужчину, который ценит женщину, принявшую наказание за него...

Теперь, когда его интерес к этому делу пробудился вновь, он никак не мог отделаться от мыслей о нем. С тех пор я один или два раза сам побывал на той самой улице, и вновь увидел, как поднимаются жалюзи. Моего приятеля обуяло желание увидеться с тем человеком – дерзким, властным красавцем. Было в нем, должно быть, нечто такое, за что женщина согласилась – точнее, почти согласилась – продать душу.

Шанс на такую встречу мог быть лишь один. Незнакомый появлялся всякий раз со стороны Эджуэр-роуд. Держась в тени на противоположной стороне улицы и поджидая его, можно было рассчитать время так, чтобы поравняться с ним точно под фонарем. Вряд ли он повернет обратно: этим выдаст себя. Скорее всего незнакомец притворится таким же прохожим, спешащим по своим делам, но проводит человека, с которым чуть не столкнулся, внимательным взглядом.

Похоже, фортуна благоволила нам. В обычное время жалюзи плавно поднялись, и вскоре из-за угла вывернула мужская фигура. Мы с приятелем вышли на улицу через несколько

секунд, надеясь, что сумеем осуществить свой план и столкнуться с незнакомцем лицом к лицу прямо под газовым фонарем. Он шагал навстречу, ссутулившись и опустив голову. Мы думали, что он пройдет мимо того дома, но, к нашему удивлению, он остановился с ним рядом и вдруг открыл калитку. Еще мгновение – и мы лишимся последнего шанса увидеть хоть что-нибудь, кроме его согбенной спины. В два прыжка мой приятель настиг незнакомца, схватил за плечо и, повернув к себе... увидел старческое морщинистое лицо с выцветшими слезящимися глазами.

Мы были так ошарашены, что не могли издать ни звука. Наконец мой приятель сбивчиво забормотал, что перепутал дом, и вернулся ко мне. На углу мы почти одновременно расхохотались. А потом он вдруг остановился:

– Старый клерк Хэпуорта! Элленби!

Его поступок выглядел чудовищно. Он был не просто клерком – вся семья считала его другом. Отец Хэпуорта доверял ему. К убитому Элленби был искренне привязан – это впечатление складывалось у всех, кто его видел. Так в чем же дело?

Справочник лежал на каминной полке. На следующий день, навестив приятеля и бросив беглый взгляд на каминную полку, я вдруг схватил справочник, открыл его и нашел адрес компании «Корабельное оборудование. Элленби и К°» – она располагалась неподалеку от Майнорис-стрит.

Допустим, он помогал женщине в память о покойном хозяине и в то же время стремился вызвать у нее отчуждение. Но зачем? Она наблюдала, как убивали ее мужа. Неужели после этого Элленби мог смотреть на нее без содрогания?

Не мог – если позднее не обнаружилось бы еще какое-то обстоятельство, оправдывающее даже ее невероятное равнодушие.

Но что бы это могло быть? Все, казалось, спланировано заранее, во всем чувствовался холодный расчет. Чего стоит бритье в столовой! Одно это сидело костью в горле. Наверное, женщина принесла убийце зеркало – в комнате его не было. Что помешало ему подняться в ванную, где всегда брился сам Хэпуорт, где у него все было бы под рукой?

Мой приятель вышагивал по комнате, бессвязно бормотал и вдруг замер и уставился на меня.

– Почему в столовой? – потребовал он ответа.

И по своей привычке, как и во время перекрестного допроса, забренчал ключами в кармане. А я вдруг понял, что знаю ответ, и не задумываясь – так мне показалось – выпалил:

– Может, потому, что бритву принести вниз легче, чем тащить мертвеца вверх?

Он сел за стол, вытянул руки перед собой, и его глаза возбужденно засверкали.

– Неужели не понятно? Эта столовая, по сути дела, маленькая, нарядно обставленная задняя гостиная. Втроем они стоят вокруг стола, пальцы Хэпуорта нервно сжимаются на спинке стула. Упреки, колкости, угрозы... Молодой Хэпуорт, который на всех производил впечатление слабого, трусливого человека, бледнеет, запинаясь, не знает, куда спрятать глаза. Женщина переводит взгляд с одного на другого. Снова та же вспышка презрения – она ничего с собой не может поделать, – а потом, что еще хуже, – жалость. Если бы только он не поддался, нашелся с ответом! Если бы не струсил! Затем – роковая, язвительная насмешка, поворот головы, и вот дерзкий, властный взгляд уже не внушает ему робости.

Решающий момент наступил. Если помните, пуля вошла в шею у самого затылка. Скорее всего Хэпуорт заранее готовился к этой встрече – у жителей пригородов с садами нет привычки повсюду носить с собой заряженные револьверы; он так часто думал о возможной встрече, что распалил себя, превратил в сгусток ненависти и страха. Слабые подвержены крайностям. И вот пришло решение: если не будет выхода, он его убьет.

Слышите это безмолвие? После того как отзвучало эхо выстрела? Когда оба упали на колени, хлопая его по щекам, пытаясь расслышать, бьется ли сердце. Убитый рухнул как бык;

следов крови на ковре не осталось. Соседние дома стоят пустые, выстрел никто не слышал. Вот бы еще избавиться от трупа! Да ведь до пруда какая-нибудь сотня ярдов!

Мой приятель потянулся за папкой и разворошил в ней исписанные листы бумаги.

– Что может быть проще? На соседнем участке строят дом. Тачки приготовлены как по заказу. Есть и доски – ими можно застелить тропу до самого берега. Глубина в том месте, где нашли труп, – четыре фута шесть дюймов. Достаточно только наклонить тачку.

Минутку, труп может всплыть и выдать их, значит, его надо нагрузить, сделать тяжелым, чтобы он ушел глубоко в мягкий ил и сгнил там.

Погодите, еще не все продумано. Предположим, несмотря на все предосторожности, он все-таки всплывает – например, соскользнет цепь. Строители то и дело ходят к пруду за водой – вдруг труп обнаружат?

Напомню: все это время труп лежит на спине. Его, вероятно, перевернули, чтобы послушать сердце. Глаза наверняка закрыли – им неприятен его неподвижный взгляд.

Женщина додумалась первой – ведь она видела их обоих с закрытыми глазами, лежащих рядом с ней. Может, она давно заметила сходство. Часы Хэпуорта – в карман, кольцо Хэпуорта – на палец! Если бы не эта борода – буйная, курчавая рыжая борода!

Они подкрадываются к окну и выглядывают наружу. Туман все еще густ, как суп. Ни звука, ни души. Времени полно.

Значит, надо бежать и скрыться в надежном месте. Но сначала – надеть макинтош. Кто-нибудь мог видеть, как в дом вошел человек в желтом макинтоше, – значит, теперь увидит, как он оттуда вышел. В каком-нибудь темном углу или в пустом вагоне макинтош придется снять и скомкать. И скорее в контору. Там дожидаться Элленби: он надежен как сталь, он добропорядочный и деловой человек. Элленби что-нибудь подскажет.

Мой приятель со смехом отшвырнул папку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.